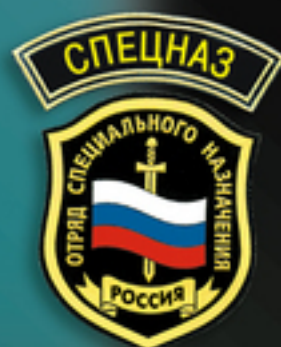

Никто, кроме нас! Российский спецназ!

АЛЬБЕРТ БАЙКАЛОВ

**СТРЕЛЯЮ
НА СЧЕТ ТРИ**

Альберт Байкалов

Стреляю на счет три

«ЭКСМО»

Байкалов А. Ю.

Стреляю на счет три / А. Ю. Байкалов — «Эксмо»,

Полевой командир Казим Оспанов по приказу Запада похищает сына влиятельного российского генерала – лейтенанта Вадима Пахомова – и начинает его шантажировать с целью заставить офицера бежать в Грузию и просить там политического убежища. Чтобы Вадим был более сговорчив, Казим решает вдобавок ко всему похитить Елену, в которую Вадим влюблен. Это задание полевой командир поручает двум боевикам – Джину и Стропе. Казим даже не догадывается, что эти крепкие бородатые парни – спецназовцы, внедренные в банду под видом боевиков.

© Байкалов А. Ю.

© Эксмо

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Альберт Байкалов

Стреляю на счет три

ГЛАВА 1

Механически передвигая ногами, Антон Филиппов отмахнулся от круживших вокруг головы комаров и посмотрел вперед. За дымкой полупрозрачного тумана стали различимы кроны зеленых сосен. Там берег. Птицы, кузнечики, цветы... Здесь, на болоте, словно другой мир. Теплая на поверхности и ледяная в глубине, темно-зеленая жижа нехотя отпускала оказавшихся в ее власти людей. Намокший, забитый тиной разгрузочный жилет казался свинцовым, неподъемный рюкзак тянул вниз. Прилипший к телу камуфляж стеснял движения, ноги вязли в илистом дне. Оттого, что «Винторез» приходилось держать на уровне груди, плечи ныли. Большой палец лежал на предохранителе. Противник хотя и был условным, но напряжение у спецназовцев – как в боевой обстановке.

Из всего арсенала спецназовцев Антон предпочитал именно снайперскую винтовку с глушителем «Винторез». Она была на 400 метров и снаряжалась магазинами на десять и двадцать патронов. Впрочем, и автомат «Вал» был не хуже. Он отличался от винтовки только складным прикладом и в ближнем бою был даже удобнее.

Антон оглянулся назад. Следом брел майор Василий Дорофеев, которого в группе называли не иначе как Дрон. Смуглолицый, перепачканный грязью, он сейчас походил на болотное чудовище. Наложённые на лицо еще в вертолете зеленые и коричневые полосы «грима» слились в одно серо-бурое пятно. Пропитанный водой камуфляж делал Дрона почти незаметным на фоне болотной ряски и гнилых остовов деревьев. Повязанная на голове косынка защитного цвета от пота стала черной.

За ним шел Ринат Гайнуллин. Для нового врача группы, который заменил Москита, погибшего на Северном Кавказе, это были первые столь масштабные учения. Чуть выше среднего роста, с невозмутимым, как это часто бывает у татар, лицом, он тем не менее стойко переносил все тяготы двухдневного перехода. А ведь ему приходилось тяжелее остальных. Кроме штатного оружия, специальных средств, боекомплекта, запаса продовольствия и имущества, без которого спецназовцу не выжить в глубоком рейде по тылам противника, он еще нес медикаменты и набор самых необходимых инструментов, позволяющих в полевых условиях провести несложную операцию по удалению осколка или пули, наложить шины.

За сорок часов марш-броска группа лишь два раза останавливалась на привал, когда можно было с часок вздремнуть. В остальных случаях ограничивались десятью минутами. Времени хватало лишь на то, чтобы поправить обмундирование, перекусить и уточнить координаты.

Антон поднял взгляд. Образованная идущими впереди спецназовцами дорожка свободной от болотной растительности воды медленно сужалась. Над ней слегка раскачивался пятнистый рюкзак майора Туманова. Он почти полностью закрывал рослого офицера. У Тумана сектор наблюдения – вперед и влево. Шедший перед ним капитан Лече Истропилов по кличке Стропа должен был держать в поле зрения назначенного в головной дозор майора Вахида Джабраилова. Его давно прозвали Джинном – за способность мгновенно принимать нестандартные решения в самых неожиданных ситуациях и решать казалось бы невыполнимые задачи. Крепкого телосложения, со сросшимися на переносице бровями и массивным подбородком, чеченец двигался на расстоянии зрительной связи с группой. Его задачей была разведка маршрута выдвижения. При внезапной встрече с противником майор должен был «связать» его огнем и дать группе возможность занять выгодный рубеж.

Тростниковые заросли плавно перешли в ольшаник, за которым виднелся сосновый лес. Рой мелких мушек, вившихся вокруг головы, мешал дышать. Они забивались в рот, нос, глаза и уши. Нудно зудели комары. У спецназовцев был с собой реппелент, но Антон им практически не пользовался. Крем издавал слишком сильный запах. В лесах средней полосы он не слишком выдавал присутствие группы. А вот в горах такой «аромат» распространялся далеко. Кроме того, смешиваясь с потом, средство от комаров образовывало едкую смесь, которая, попав в глаза, вызывала нестерпимое жжение. В основном спецназовцы полагались на старое, проверенное средство от укусов – противомоскитные сетки. Другое дело, что многие не опускали их на лицо. Антон, например, большую часть пути обошелся без нее. Она мешала вести наблюдение. Зато беспальные перчатки хорошо защищали запястья. От комаров и мошкар бойцы если что и использовали, то средства растительного происхождения – анисовое масло, например, или базилик. Даже мыло лишний раз старались не применять.

Слева Антон увидел небольшое озерцо чистой воды. Между кувшинками пробежала водомерка. Постепенно становилось мельче.

– Это Джин, вышел на берег, – раздался в наушнике переговорного устройства слегка хриловатый голос чеченца.

– Понял, – ответил Антон и посмотрел на часы.

Они слегка отставали от запланированного графика. Уже было совсем светло.

Когда под ногами вновь зашуршала сухая листва, группа перешла на бег. Болотная жижа противно захлюпала в ботинках.

– Всем стой! – приказал Антон, когда они углубились в лес на приличное расстояние. – Семь минут... привести себя в порядок.

Он сунул палец под головной телефон и потер разопревшее ухо.

Спецназовцы быстро рассредоточились по парам. Пока один наблюдал за подступами к месту привала, второй переобувался, отжимал одежду, подгонял ремни обмундирования.

Антон успел снять ботинки, вылить из них воду, выжать носки. Надевать сухие, пока обувь мокрая, не было смысла. Он поправил микрофон:

– Приготовиться к движению! Головной дозор прежний. Бегом... марш!

Отойдя от болота на несколько километров, Антон объявил большой привал. Двигаться днем стало опасно. «Противник» уже рядом. Местом дневки командир выбрал неглубокий овраг, который выходил к лесной дороге. Заросший молодыми березками и густым кустарником, над которыми возвышались вековые сосны, он был хорошим укрытием от посторонних глаз. Определившись с позициями, Антон поставил задачу Строе и лейтенанту Сергею Глушенкову установить сигнальные мины на подступах со стороны болота и грунтовки.

Спецназовцы принялись не спеша устраиваться на отдых. Рассредоточились опять же по двое с таким расчетом, чтобы в любой момент быть готовыми к отражению нападения с любого направления. Один в паре, как всегда, бодрствовал, второй отдыхал.

Антон по обыкновению устроился рядом с Дроном. Тот быстро расстелил на земле, в небольшом углублении, прорезиненный коврик, на него бросил спальник из плотного камуфляжа. В изголовье примостил рюкзак, в который воткнул пару срезанных веток ольхи, и улегся, направив удлиненный глушителем ствол «Вала» в свой сектор. Он бодрствовал первым.

– Готов? – уточнил Антон.

– Как пионер, – прошептал наушник голосом Дрона.

Антон отполз с позиции, на которой находился, пока Дрон устраивался на позиции, снял рюкзак и посмотрел на часы. До сеанса связи оставалось сорок минут. Спать смысла не было. Немного подумав, достал из рюкзака банку каши, упаковку галет и кружку. Из небольшой металлической пластинки по выкройке быстро сделал горелку. Установил ее на расчищенный от хвои и прошлогодней листвы участок земли. Поджег таблетку сухого спирта, наполнил

кружку водой из фляги и поставил кипятить. После этого снял упаковочную фольгу с банки, превратив ее в обыкновенную тарелку, вынул ложку.

Дрон между тем снял ботинки, протер раскрасневшиеся ноги специальной антисептической салфеткой, надел свежие носки и покосился на Антона:

– Приятного аппетита.

Антон ничего не ответил. Переход измотал даже его. Говорить было попросту лень. И не только ему. В эфире стояла относительная тишина. Парой фраз обменялись только офицеры-чеченцы, да лейтенант Вишняков, как всегда, материл погоду.

Группу высадили с вертолета в безлюдном районе поздно вечером, в понедельник, в семидесяти километрах севернее учебного центра Ленинградского военного округа. Места там большей частью непролазные: сплошные болота, озерца, речушки. Но примерно полпути пришлось идти по маршруту, проложенному именно по этому району. Иначе было бы не проскочить. По последним данным разведки, условный противник выставил против них противодиверсионные подразделения Балтийского флота, подразделение морской пехоты и, что самое неприятное, группу спецназа ФСБ. А этих ребят тоже не в детском саду готовили.

По условиям учений группе Антона было необходимо пробиться в район населенного пункта Пиплово, где обнаружить и уничтожить наземный пункт управления ПВО «синих». Основной этап учений был намечен на следующее утро. В штабе «противника» с рассветом начнется суета. Режим радиомолчания волей-неволей будет нарушен. «Вот тут-то мы их и вычислим», – подумал Антон. Конечно, «синие» оборудовали несколько ложных позиций, да и средства радиоэлектронной борьбы у них уже давно наготове. Но это задача для молодых. Не так давно к Филиппову перевели двух лейтенантов, специалистов как раз по средствам связи. Ребята вроде толковые, должны справиться.

– Филин, это Туман, как слышишь? Прием.

Антон встрепнулся. Его насторожило, что майор говорит почти шепотом.

«Может, простыл?» – мелькнула мысль.

– Я – Филин, слышу хорошо, – отозвался он и приподнялся, пытаясь увидеть Туманова, который на пару со Стропой устроился правее его и Дрона.

– На три часа слышу выстрелы и женские крики, – доложил Туман.

Антон сдвинул пальцем головной телефон и повернул голову в направлении, которое указал майор. Действительно, там звучали какие-то невнятные голоса.

– Что за чертовщина? – Антон примерно попытался определить расстояние. Выходило, с учетом леса, около километра. Он восстановил в голове карту. В той стороне, откуда раздавались крики, была деревушка, рядом с ней проходила грунтовая дорога. Но все это было гораздо дальше того места, где зывали о помощи.

Снова резанул слух женский крик. Через несколько мгновений оттуда же донесся мужской смех.

– Ну что, командир, так и будем сидеть? – раздался голос Дрона. Он услышал доклад Тумана и проснулся.

– У нас задача, которую никто не отменял, – процедил сквозь зубы Антон.

– Учебная, – вставил кто-то.

– А ты не подумал, что и крики эти тоже кто-то в учебных целях издает? – вспыхнул Антон, пытаясь по голосу угадать, кто бросил в эфир это слово.

– Думаешь, ловушка? – догадался майор.

– Хрен его знает, – Антон неожиданно заколебался. А вдруг там действительно кого-то убивают?

Он приподнялся на локтях:

– Группа, приготовиться к движению!

Эфир ожил звуками. Кто-то тихо выругался, что-то скрипнуло. Послышался кашель, шарканье. Звякнул автомат. Сверхчувствительные микрофоны передавали в эфир даже дыхание спецназовцев.

Дрон встал на колени, быстро свернул спальный мешок и пристегнул его к рюкзаку.

Антон посмотрел на часы. До разрешенного времени выхода на связь еще четверть часа. Значит, вся ответственность за принятое решение ляжет на него. Впрочем, ничего не менял и доклад генералу Родимову. Антон заранее знал, что тот скажет. За многие годы совместной службы они стали даже думать одинаково. Родимов никогда не отменял решения подчиненных, считая, что на месте виднее, как поступить.

– Это Глухой, снял сигнальные мины, – прохрипел наушник голосом Глушенкова.

– Понял, – ответил ему Антон.

– Это Стропа, свои тоже снял, – скороговоркой отчитался чеченец.

– Хорошо, – бросил Антон и посмотрел в сторону стайки росших от одного корня берез. – Туман!

– Слушаю, – отозвался майор.

– Твоя пара и Джин с Глухим выдвигаетесь на шум. Проверяете, что там, и выходите в район деревни Маково. Место встречи – развилка дорог на южной окраине. Остальным задача прежняя. Головной дозор – Вишняков.

– Я!

– Замыкает походный порядок Шаман.

– Понял, – отозвался старший лейтенант Шамсуров.

– Вперед!

* * *

– Асламбек Магомадов, – пробубнил себе под нос дежуривший при входе в районную прокуратуру милиционер, записывая паспортные данные стоящего в коридоре посетителя. – Чеченец?

– А что, если так, то не пустишь? – усмехнулся невысокий, смуглый мужчина с подернутыми сединой висками.

На нем был одет серый в полоску костюм. Воротник бежевой рубашки подпирал черный в крапинку галстук.

– Да нет, почему? – милиционера покорила нагловатая самоуверенность посетителя. – Просто спросил.

– Зачем спрашиваешь, если знаешь? – Казим покачал головой. – Документы в руках держишь!

Лейтенант вложил в паспорт пропуск и протянул в окошко Казиму.

– Второй этаж, четвертая дверь по правой стороне.

– Спасибо, – кивнул чеченец, убирая паспорт во внутренний карман пиджака и направляясь через турникет.

Сразу за ограждением его поджидал сержант в бронежилете и с металлоискателем в руке.

– Железные предметы выложи на стол, – скомандовал милиционер.

– У меня только осколки, – скривил улыбку Казим.

Сержант провел прибором вдоль туловища со спины по животу и ногам.

– Проходите.

– Где у вас туалет? – Казим вопросительно посмотрел на милиционера.

Он прекрасно знал, как пройти, но спросил специально, чтобы не было лишних вопросов, когда вначале он направится не туда.

– Ты сюда за этим пришел? – недовольно проворчал сержант и показал металлоискателем направление. – Пройдешь по коридору до конца. Последняя дверь. Увидишь.

С середины лета в прокуратуре шел ремонт. Почти все материалы и инструменты рабочие проносили через запасной выход, расположенный с торца здания. Сразу за ним был небольшой дворик, где под навесом стояли служебные машины. Его охранял один сотрудник милиции с автоматом. Но самое главное, строителей, которые работали здесь уже не первую неделю, никто особо не проверял. Сегодня один из них пронес в здание пистолет с глушителем. Да не какую-то хлопушку, а «стечкина». Любимое оружие Казима по прозвищу Молчун. В его обойме в два раза больше патронов, чем у «макарова». Казим отлично владел этим пистолетом и был уверен, что не только разделается со ставшим уже ненужным Сарповым, но и уйдет из прокуратуры через этот самый дворик.

Операция готовилась не один день. Казим долго продумывал план покушения, просчитывал один за другим варианты устранения неугодного прокурора. Поначалу он собирался устроить на Сарпова засаду, когда тот по каким-то делам отправится в областной центр. Потом и вовсе решил заявиться к нему домой. В конечном итоге его не устроил ни первый, ни второй способ сведения счетов. Казим, устраняя прокурора, не просто проводил очередную акцию устрашения. Это еще была и его личная месть, и Молчун хотел устроить все таким образом, чтобы Сарпов умирал медленно и видел, от кого он принял смерть.

Когда Казим узнал, что в здании прокуратуры начались ремонтные работы, он понял, что это сам Аллах дает ему шанс. Неделя ушла на то, чтобы среди строителей найти нужного человека, который согласился бы пронести в здание оружие. Это не составило большого труда. Мовлет Устарханов не в силах был отказаться. Ведь двое его несовершеннолетних сыновей давно зарабатывали деньги, помогая моджахедам устанавливать у дорог, по которым ездили федералы и милиция, фугасы. Тем самым они сделали своего отца их заложником. Мовлету прозрачно намекнули, что может случиться с ним и детьми, если власти узнают, от чьих рук на протяжении полугода умирали и калечились ни в чем не повинные люди. Посулили хорошие деньги, на которые он мог прокормить свою большую семью несколько месяцев. Да еще пообещали, что помогут, если на него падет хоть тень подозрений.

Помещение туалетной комнаты оказалось разделенным на две половины. В первой, на стене, была раковина и зеркало. Во второй – кабинки. Казим повернул на дверях небольшой никелированный рычажок в положение «закрыто», подошел к мусорному контейнеру и откинул крышку. Брезгливо скривил губы и заглянул внутрь. Сбоку, как и было оговорено, под кусками разбитой кафельной плитки лежал пластиковый пакет. Казим быстро вытащил его, вынул оттуда пистолет и сунул за пояс под пиджак. Пакет скомкал, убрал обратно. В это время кто-то подергал за дверную ручку. Он замер. Шаги удалились. Казим облегченно перевел дыхание. Разглядывая в зеркале свое отражение, помыл под краном руки. Двумя пальцами вынул из кармана платок, тщательно вытер их. Посмотрел на часы. До обеденного перерыва оставалось двадцать минут.

Казим поднялся по лестнице и направился по коридору. У дверей с табличкой «Сарпов В.Ю.» остановился. Одернул пиджак, оглянулся по сторонам и постучал.

– Здравствуйте! – он улыбнулся немолодой женщине с повязанным на голове платком, сидевшей за установленной поперек приемной стойкой. – Начальник у себя?

– Да, конечно, – она кивнула. – Как представить?

– Асламбек Магомадов, – он четко, почти по слогам, назвал свою фамилию. – Я записывался.

Женщина нажала на кнопку селектора.

– Виктор Юрьевич, к вам гражданин Магомадов.

– Хорошо, пусть заходит, – раздался знакомый, с болезненной хрипотцой курильщика голос.

Казим почувствовал внутреннюю дрожь. Он мечтал об этой минуте все годы, которые провел за колючей проволокой! Интересно, узнает его Сарпов или нет?

Казим набрал в легкие воздуха, будто собираясь прыгнуть в воду, и толкнул дверь кабинета.

Сарпов даже не поднял головы. Он что-то торопливо писал в лежащей перед ним тетради.

– Проходите, – на мгновение оторвавшись от своего занятия, прокурор показал рукой на расставленные вдоль стола стулья.

Казим медленно шел, разглядывая сухощавого мужчину в синей форменной одежде.

– А ты совсем не изменился, Сарпов, – не удержался и сказал Казим. – Только виски стали белые...

Сарпов перестал писать и медленно поднял на него взгляд:

– Оспанов?

– Не ожидал?

– Но... Мне сказали...

– Правильно тебе сказали, Сарпов, – Казим улыбнулся и остановился у края стола. – Паспорт у меня на имя Магомадова.

– Но как тебе удалось? – Прокурор сунул пальцы за отворот рубашки и потянул его вниз, словно ему не хватало воздуха.

– Что ты хочешь узнать? – Казим медленно отодвинул стул и сел.

– Тебе еще семь лет сидеть...

– Это ты так хочешь, – Казим поднес руку к поясу, заметив при этом, что Сарпов напрягся. Но оружие, как того боялся прокурор, пока доставать не стал, а медленно ослабил галстук, расстегнул верхнюю пуговицу сорочки и откинулся на спинку стула:

– Половина срока прошла, и я попал под амнистию. – Казим недобро прищурился и слегка подался вперед. – Что, испортил настроение?

– Зачем так говоришь? – глаза Сарпова забегали.

Человек, который отправил не одну сотню людей на нары, сейчас был сильно взволнован и напуган. И было отчего. Сарпов – один из тех, кто обязан своему выдвижению не столько профессиональными знаниями и опыту, сколько деньгам, которые заплачены в Москве людям, отвечающим за назначения в регионах. Он прекрасно понимал, что не за красивые глаза получил должность районного прокурора. Как и то, что каждый доллар надо отрабатывать с лихвой. Дело Оспанова Сарпов помнил до мелочей. Ему было приказано заставить следователя отдела по раскрытию особо тяжких преступлений Джабоева развалить дело Казима, который обвинялся в организации теракта на одном из рынков Владикавказа. Но не смог. А точнее, не захотел. В последнее время Оспанов вошел в силу, вел себя с прокурором все более бесцеремонно, держал под контролем чуть ли не каждый его шаг. А значит – становился опасен. И Сарпов рискнул попробовать убрать его руками правосудия. Тем более, что раскрытие теракта взяла под свой контроль Москва, и всегда можно было сослаться на недостаток своих полномочий, чтобы вывести Оспанова из-под удара. Сарпову казалось, что он рассчитал все точно. Однако он не учел, что у бандитов были и другие источники информации. Его двойная игра очень скоро перестала быть секретом. «Вот и расплата пришла», – тоскливо подумал прокурор. Его сменит другой, более сговорчивый человек.

– Твоя должность обошлась нам почти в миллион долларов, – Казим покосился на двери и снова посмотрел на Сарпова. – Почему я сидел семь лет?

– С твоими статьями должны были дать пожизненное, – Сарпов развел руками. – А ты вышел на свободу.

– Ты хочешь сказать, что это твоя заслуга? – возмутился Казим.

– Моей вины в том, что Джабоев не взял деньги, нет, – с металлическими нотками в голосе ответил Сарпов. – Я, как мог, давил на него.

– Ты плохо делал свою работу, Витя, – сквозь зубы процедил Казим. – Мне известно, что и после меня много людей осталось без поддержки с твоей стороны. Знаешь, как это называется?

– Я не понимаю, почему ты говоришь со мной таким тоном? – не сдавался Сарпов.

– Ты кинул нас, – продолжал Казим.

– Забываешься, – процедил сквозь зубы Сарпов.

Казим сделал вид, будто обиделся. Пора было переходить к главной цели визита, и он медленно встал из-за стола.

– Сам подумай, я долгих семь лет сидел в тюрьме и ждал встречи с тобой. Ты же все это время ни разу не вспомнил обо мне. Ведь так?

– Ты не прав. – Сарпов тоже поднялся.

– Все равно у меня больше прав обижаться на тебя, – перебил его Казим. – Однако я не держу зла. Да, есть обида, но она меньше радости свободы. Давай встретимся после работы, поговорим?

– Как ты это себе представляешь? – растерялся Сарпов. – Бывший боевик и прокурор района?

– Но я уже ответил перед законом за свои дела? – спросил Казим, подходя к Сарпову ближе. – Ведь так?

– Возможно. Но только снова взялся за старое. Это рецидив. Как ты объяснишь, что, едва оказавшись на свободе, пришел ко мне уже с другими документами? – прищурился Сарпов.

– А как ты хотел? – удивился Казим. – Я о твоей репутации позаботился. Что скажут люди, если узнают, что к прокурору района пришел сам Молчун?

– А если бы тебя узнал дежурный? – не унимался Сарпов. – Было бы еще хуже. Прийти в прокуратуру с поддельными документами! Да будь на моем месте другой человек, ты бы отсюда снова в зону вернулся!

– Нет, не вернусь, – Казим подошел к нему вплотную. – Давай прощаться?

– Как это? – Сарпов наконец заподозрил неладное и побледнел.

– Разве ты не понял? – Казим схватил его за галстук и притянул к себе.

– Убивать тебя пришел.

– Ты так не шути, – непослушными губами выдавил из себя Сарпов. – Я прокурор района. Да тебя...

– Ты вправду забыл, кто тебя и зачем на это место посадил, – лицо Сарпова было так близко, что Казим почувствовал изо рта чиновника запах чеснока. – Думал, все с рук сойдет? Тебя давно убить хотели, да я не дал. Поклялся сам в этом кабинете шакала кончить.

– Не делай глупостей, – трясаясь всем телом, прошептал Сарпов. – Мне стоит только крикнуть, и тебя схватят.

– Чтобы убить тебя, уважаемый прокурор, мне достаточно секунды. – С этими словами Казим левой рукой схватил Сарпова за шею, а правой выхватил пистолет и уткнул глушитель ему в горло. – Только пикни!

– Зачем тебе это надо? – просипел Сарпов. – Подумай о детях! У тебя есть еще возможность все исправить. Я буду молчать. Если хочешь, провожу, куда скажешь... Денег дам. У меня есть. Не веришь?

– Я готовился к этому дню семь лет, – сильнее вдавливая в горло прокурора глушитель, зашептал Казим. – Неужели ты думаешь, что за минуту сможешь убедить меня не дырять тебе башку?

– Умоляю, – Сарпов стал оседать. То ли от страха у него отказали ноги, то ли он собирался упасть на колени.

Казим резко дернул его на себя и со всего размаха двинул рукоятку пистолета по темени.

– Ах! – крикнул Сарпов и упал на пол. – А-аа!

Перевернувшись, он встал на четвереньки и бросился в угол, к сейфу. Казим прыгнул следом и снова опустил пистолет, уже на затылок. Руки Сарпова подогнулись, и он уткнулся лицом в пол. Из разбитой головы потекла кровь. Сзади раздался шум распахнувшихся дверей. Казим развернулся и дважды, почти не глядя, выстрелил.

Хватая воздух вмиг посиневшими губами, на пол осела секретарша. Казим направил пистолет в спину Сарпова и надавил на спуск. Прокурор вздрогнул, судорожно засучил ногами и перевернулся на спину. Казим послал еще одну пулю ему в грудь и бросился прочь.

Крики из кабинета слышались внизу. Навстречу, по лестнице, уже бежал милиционер, который проверял его металлоискателем. Казим вскинул руку и выстрелил. Пуля попала милиционеру в грудь. От удара в бронежилет сержант развернулся к нему правым боком и широко открыл рот. Продолжая держаться рукой за перила, он присел на корточки. Не раздумывая, Казим дважды выстрелил ему в голову и, перескакивая сразу через несколько ступенек, бежал на первый этаж. От входа к «вертушке» метнулся еще один сотрудник с автоматом. Казим направил в него ствол и несколько раз нажал на спуск. Смотреть, попал или нет, он не стал и бросился по коридору к запасному выходу. Когда до дверей оставалось несколько шагов, сзади прогремела автоматная очередь. Казим увидел, как пули врезались в стену буквально в нескольких сантиметрах правее него, развернулся и выпустил назад почти пол-обоймы. Затем двинул плечом в дверь и вылетел во внутренний двор. Скатившись с невысокого крыльца, Казим метнулся к навесу, под которым обедали строители. Услышав стрельбу и шум, они повскакивали со скамеек, стоявших по обе стороны длинного стола. С десятка рабочих в перепачканной цементом одежде растерянно глядели на бегущего к ним человека с пистолетом в руке. Казим отыскал взглядом Мовлета. Коренастый чеченец глядел на приближающегося Казима с испугом. Он уже все понял: боевики не оставят его в живых. Но Казим не собирался его убивать. Такие люди нужны. Пригодятся и его сыновья, за тридцать долларов таскающие по ночам взрывчатку. Казим направил пистолет на молодого, с узким лицом и выпирающими скулами чеченца. Он не знал этого человека и выбрал его в самый последний момент. Пусть теперь следователи ломают голову, когда и при каких обстоятельствах чеченец стал пособником боевиков. В том, что подозрение в подготовке убийства Сарпова теперь падет на него, сомневаться не приходилось.

Казим дважды выстрелил в мужчину. Тот уронил голову на грудь, словно пытаясь подбородком закрыть два маленьких отверстия чуть ниже правой ключицы. Казим направил ствол в голову и еще раз нажал на спуск. Мужчина опрокинулся на спину. Остальные бросились врассыпную. Кто-то метнул в него чашку. Казим развернулся и бросился к калитке рядом с въездными воротами. Перешагнув через лежащего в луже крови милиционера, которого убил его помощник, Икрам, Казим выбежал на улицу. Почти сразу справа раздался треск автоматной очереди. Он присел и обернулся. Икрам стрелял из автомата в сторону главного входа в здание прокуратуры. Оттуда вел огонь из пистолета какой-то милиционер.

– Бежим! – Казим схватил его за шиворот.

Икрам бросился следом. Они на одном дыхании добежали до переулка и запрыгнули в заведенные «Жигули». В тот же момент сидевший за рулем Назыф Эдильсултанов рванул машину с места. Среднего роста, с жестким, пронизательным взглядом чеченец хорошо знал окрестности города. Он лично выбирал маршруты отхода, готовил машины. Они пронеслись через переулок и выехали на неширокую тихую улицу с частными домами. В конце повернули во дворы пятиэтажек. Здесь, у железного забора, Назыф остановил машину. Все трое направились по дорожке через небольшой сквер. Сразу за ним стояла белого цвета «Нива». На ней они проехали практически через весь город и снова оказались в частном секторе. Миновав несколько улиц, Назыф остановился у стройки. Дальше им предстояло разойтись, чтобы, как стемнеет, встретиться в одном из домов. «Ниву» же, как только они покинут ее, двоюродный брат Назыфа отгонит в укромное место.

* * *

Туман сбежал с покрытого кустарником склона, миновал небольшой распадок и перешел на шаг.

– Шагом! – выдохнул он в микрофон.

Его примеру последовали остальные. Прошли еще полсотни метров, прежде чем Джин, который шел первым, неожиданно присел и поднял руку вверх.

Туман продублировал сигнал и тоже опустился на одно колено, пытаясь понять, что насторожило чеченца. Но кроме стволов сосен ничего не увидел.

– Хотя бы о своей бабе подумал! – громом среди ясного неба раздался совсем рядом голос. – Она-то здесь при чем?

– Да пошли вы... Ох! – выдохнул мужчина. По всей видимости, его ударили.

Туман понял, что лес немного скрадывал голоса. На самом деле они едва не проскочили место расправы. Он обернулся назад, дождался, когда на него посмотрит Стропа, и знаками дал ему понять, чтобы тот шел к нему. Дальше нужно было работать парами.

– Ребята, отпустите нас, – умоляющим голосом запричитала девушка. – Я никому ничего не расскажу!

– Ага, сейчас, разбежались, – хохотнул кто-то. – Может, еще до Питера подвезти?

Туман удивился. Расстояние до Северной столицы от этого места было приличным. Неужели, чтобы убрать людей, надо везти их в такую даль? Он неожиданно вспомнил слова Филиппова, который заподозрил грамотно организованную ловушку.

«Может, вернуться?» – мелькнула мысль.

Если они попадут в руки «противника», то, по условиям учений, обязаны рассказать все, что знают о том, как командование «красных» намерено использовать группу. А это маршрут и задача. Считалось, что пленный, даже если это спецназовец, не сможет долго запыряться.

Немного поколебавшись, он посмотрел на Стропу:

– Пошли.

Они двинули на голоса. Осторожно ступая, вскоре оказались у проселочной дороги, на которой стояли два джипа. Из-за них раздавались звуки вонзавшейся в землю лопаты и женский плач.

Туман взял правее. Джин двигался, прикрываясь машинами. Вскоре они перебежали дорогу. Взгляду открылась небольшая поляна с палаткой посередине и группа спортивного вида молодых людей. Обступив яму, в которой стоял перепачканный грязью мужчина, они о чем-то вполголоса переговаривались. Чуть в стороне, у дерева, лежала девушка. Руки были связаны, футболка на груди разорвана. Рядом сидел бритый наголо, с бесцветными бровями молодой мужчина. Туман перевел взгляд на яму. Стоявший в ней парень медленно кидал из нее лопатой землю.

– Ну, что, друг, так и будешь молчать? – один из стоявших вокруг истязателей присел перед ямой и ткнул могильщику в лоб стволом пистолета.

– Не любит он тебя, – цокнул языком тот, который сидел рядом с девушкой, и положил ей руку на грудь.

– Нет, не надо! – вновь закричала девушка. – Сергей, почему я должна умирать?!

Бритоголовый повел ладонь вниз, по животу. Девушка завизжала и крепко стиснула колени. Лысый расплылся в улыбке и убрал руку.

Туман понял, что происходящие здесь события не что иное, как инсценировка подготовки к убийству. Об этом красноречиво говорили сразу несколько фактов. Судя по диалогу, вся компания приехала сюда из Санкт-Петербурга. Конечно, можно списать это на неопытность банды в подобных делах. Однако не сегодня, за день до начала основного этапа учений.

Нелепо смотрится и палатка. Зачем ее поставили? Если организаторы спектакля хотят убедить постороннего человека в том, что парня с девушкой попросту застали на отдыхе, то это жалкая фантазия. Не самое удобное место для пикника, рядом нет даже озера. Да и вид у всех не для лесных прогулок.

– Джин, – позвал Туман. – Откат. Это подстава.

В этот момент сзади хрустнула ветка.

Туман обернулся и про себя чертыхнулся. Направив на него удлиненный глушителем ствол «Вала», на корточках сидел похोдивший на лешего человек в камуфлированной форме. Поодаль, за деревьями, перебежками двигались еще две фигуры.

– Противник с тыла! – запоздало проговорил Джин.

Туман догадался, что бойцы противодиверсионного подразделения «синих» заранее заняли позиции вокруг организованного их коллегами представления. Со стороны машин раздался металлический лязг. Туман оглянулся. Так и есть. Вся компания уже рассредоточилась вдоль кромки полянки. Из палатки выскочили и, пригибаясь, бежали в его сторону трое одетых в камуфляж и защитные маски парней. В руках у могильщика был автомат Калашникова. Он даже не вылез из ямы, в один миг превратив ее в окоп для стрельбы стоя.

Туман медленно сунул руку в нагрудный карман разгрузочного жилета, пальцами нащупал радиомаяк, сдвинул защитную крышку и дважды надавил на кнопку. Сейчас на командном пункте руководителя учений сигнал маяка на интерактивной карте сменится с зеленого на пульсирующий красный. Это будет означать, что группа Тумана уничтожена или пленена.

Тем временем «леший», продолжая держать оружие наизготовку, медленно встал.

– По условиям учений вы попали в засаду и оказались в плену, – объявил он.

Туман тоже поднялся. Его примеру последовали остальные разведчики. Словно из-под земли, вокруг возник еще с десятков бойцов «противника».

– Оружие на землю, – приказал все тот же военный.

Все молча подчинились. Так того требовали условия учений.

– Здесь не все, – раздался чей-то голос.

– Разберемся, – «леший» опустил ствол, подошел к Туману и протянул руку в беспалой перчатке:

– Майор Трофимов. Спецназ ФСБ...

– Очень приятно, – с сарказмом ответил Туман, игнорируя приветствие.

– Проигрывать тоже надо уметь, – с назиданием проговорил Трофимов.

– А кто сказал, что я расстроен? – неожиданно разозлился Туман, наблюдая, как бритоголовый и еще один, в камуфлированной форме сотрудник, обыскивают Шамана. – Может, так было задумано?

– По правилам ты должен мне сейчас обо всем рассказать, – напомнил майор и стянул с головы капюшон с закрепленными на нем лоскутами зеленой и коричневой ткани.

На вид Трофимову было столько же, сколько и Туману. От этого ему стало вдвойне обидно.

– Согласись, что в реальной обстановке это «не прокатит»? – снимая разгрузочный жилет, Туман насмешливо посмотрел на Трофимова.

– Пойдем к машинам, – вместо ответа скомандовал тот.

Туман сокрушенно вздохнул и двинулся к джипам. У машин Туман увидел ту самую девушку, которую он собирался спасти. «Артистка», – чертыхнулся майор про себя. Шедший рядом спецназовец неожиданно взял его за предплечье и увлек к микроавтобусу. Туда же подвели остальных.

Навстречу вышел рослый подполковник с эмблемами артиллериста. Он оглядел выстроившихся в одну шеренгу пленных и сбил кепку на затылок.

– Трофимов, это что за моджахеды?

– В смысле? – растерялся Трофимов.
– Откуда в ГРУ одни чурки? – подполковник, не мигая, уставился на Трофимова.
– Э-э! Товарищ подполковник, зачем так говоришь? – возмутился Джин. – Где ты здесь дрова видишь?
– Тебя не спрашивают, – продолжая смотреть на подчиненного, отмахнулся подполковник. – Еще увидимся.
– Почему он так разговаривает? – Стропа резко шагнул вперед.
– Стой! – Туман положил ему на плечо руку.
– Не нравится? – подполковник развернулся к нему всем телом. – Пиши жалобу в ООН. Кто-то рассмеялся.
– Тебе не кажется, что нас развели? – подполковник снова посмотрел на Трофимова.
– Нетрудно узнать, – окончательно растерялся тот. – Давайте допросим?
– Пока надо отсюда убраться. «Пленных» сюда, – подполковник показал рукой на микроавтобус, – остальные – в БТР.

Туман забрался в пассажирский салон. Здесь было душно. Он стянул с себя косынку, снял гарнитуру переговорного устройства и сунул ее в нагрудный карман. Вместе с ними в салон залез подполковник и еще трое спецназовцев в масках. Двое сели сзади, один у выхода. Микроавтобус развернулся и выехал на дорогу. Следом пристроился БТР. За ним двинулись остальные машины. По корпусу застучали ветки деревьев. Туман с тоской уставился в окно. На душе скребли кошки. Конечно, вины в том, что почти половина группы оказалась в плену, за ним не было. Вся ответственность лежала на Филиппове. То, что проглядели засаду и прошли мимо присыпанных землей контрразведчиков, так это уже никакой роли в дальнейшей судьбе группы не играло. Провалом поисковой операции был сам факт принятого решения идти на голоса.

Неожиданно микроавтобус резко вильнул в сторону. Туман полетел в проход, в последний момент успев схватиться за вертикальный поручень. Снаружи раздался грохот светометомовой гранаты. Судя по всему, она рванула на корпусе БТР.

– Это еще что?! – испуганно озираясь, удивленно протянул подполковник.

Послышались хлопки выстрелов. Подполковник развернулся на сиденье и посмотрел вперед. Автобус встал. Дверь с шумом отъехала в сторону, и в салон ворвался Дрон:

– Спецназ ГРУ «красных»! Майор Дорофеев. Вы объявляетесь попавшими в плен.

Следом в салон протиснулся Антон. Он весело подмигнул Туману и уселся рядом с подполковником.

– Ну что, не ждали? Тебя хоть как звать-то?

– Кузнецов Сергей Валерьевич, – растерянно пробормотал подполковник.

– Вот что, Сергей Валерьевич, правила я тебе напоминать не буду, потому как ты их знаешь...

– Ничего не знаю, – подполковник скрестил на груди руки и отвернулся в окно.

– Дверь закройте! – послышался крик из кабины.

Туман узнал голос Шамана. Тот уселся рядом с водителем.

– Минута тебя не спасет, – Антон похлопал Кузнецова по колену. – Так что не валяй комедию, а показывай дорогу к штабу. Кстати, мои люди не знали моего решения.

Туман в очередной раз отдал должное прозорливости Филиппова. Отправляя часть группы на шум, командир уже понял, что это ловушка, и умудрился переиграть «противника». Причем сделал это так, что даже он, Туманов, ничего не понял.

– Ваш коллега поступил нечестно, – проговорил с металлом в голосе Кузнецов. – Он сказал неправду. По информации, которую мы получили от майора Туманова, вы направляетесь в район встречи. Это совсем в другом месте.

– Я предполагал, что здесь организована засада, и решил организовать охоту на живца. – Антон насмешливо посмотрел на Тумана. – Мои люди не знали плана и были использованы вслепую.

– В боевой обстановке я бы их уничтожил, – вступил в разговор Трофимов.

– Знаю, – согласился с ним Антон. – Война, ничего не поделаешь.

Несмотря на то, что Туман был полностью согласен с командиром, на душе остался легкий осадок. По сути, Антон отправил его на верную гибель.

* * *

Казим сидел на диване перед телевизионной панелью с надписью «Panasonic» и смотрел записанные три дня назад на лазерный диск «Новости». Речь шла о положении в Чеченской Республике и Ингушетии. После кадров сожженной милицейской машины в Магасе диктор сообщил, что в собственном кабинете среди бела дня был расстрелян прокурор одного из районов Чечни. Удалось установить, что, используя документы на имя Асламбека Магомадова, в здание прокуратуры проник неизвестный, который убил из пистолета Виктора Сарпова, его помощнику и двух милиционеров. Еще двое сотрудников тяжело ранены. Со слов очевидцев, террористов было несколько. Кроме того, киллер застрелил одного из сообщников, который, по версии следствия, и пронес в прокуратуру оружие.

Услышав о мерах, которые правоохранительные органы и военные приняли для поимки преступников, Казим довольно улыбнулся. Как человек, не раз принимавший участие в осуществлении террористических актов, он знал: если не смогли поймать сразу, значит, не поймут никогда. Конечно, если по каким-то причинам не проболтаются Назыф или Икрам. Он с подозрением покосился на сидящего за столом Назыфа. Уронив на грудь голову, тот дремал. «Нет, – отогнал от себя непрошенные мысли Казим, – мои моджахеды знают, какую цену можно заплатить за болтливость».

Его не могло не радовать, что обстановка на Северном Кавказе вновь накалилась. В отличие от конца девяностых прошлого века – начала нынешнего, когда за вспышками экстремизма стояли в основном внешние силы, сейчас лодку раскачивают местные криминальные группировки. Несколько мощных преступных кланов борются в регионе за контроль над денежными потоками из федерального центра и доходами от теневых отраслей экономики. Теперь любая попытка наведения порядка воспринималась в штывы не только боевиками, но и продажным чиновничеством. Не прекращаются покушения на высших должностных лиц северо-кавказских республик. Совсем недавно в результате теракта едва не погиб глава Ингушетии. Выйдя из госпиталя, где врачи в буквальном смысле слова собрали его по частям, президент заявил, что будет продолжать борьбу со взяточничеством и казнокрадством, чем лишь разозлил своих врагов, присосавшихся к федеральным деньгам, которые щедро лились в регион. Криминал не дает дремать и чиновникам, периодически устраивая их показательные отстрелы и требуя в обмен на безопасность беспрекословного подчинения. Да еще строительство олимпийских объектов в Сочи, где крутятся бешеные деньги.

На этом фоне Казим чувствовал себя вполне уютно. Вот и убийство Сарпова, как он и надеялся, связали с мстостью местного криминалитета принципиальному прокурорскому работнику.

Вчера вечером Казим вместе со своими помощниками прилетел в Баку и поселился в гостинице «12 Инн Бульвар». Расположенный в самом центре столицы Азербайджана четырехзвездный отель имел всего двенадцать номеров. Он занял один из них. Назыф устроился у знакомых, на окраине города.

Здесь, в Азербайджане, Казим должен был заключить контракт с одним из турецких издательств на издание своих дневников. Никакой литературной ценности его опус не имел. Отсут-

ствие мало-мальски сносного образования делало его записи похожими на весьма посредственное школьное сочинение. Но это не беда. Казим прекрасно знал, после литературной обработки его откровения станут бомбой. Дальнейшая судьба дневников его интересовала мало. В большей степени контракт был лишь предлогом для поездки в Азербайджан. На самом деле за представителя издательства будет себя выдавать Муджав Аким. Невысокого роста, с азиатским разрезом глаз, наполовину облысевший мужчина был представителем турецкой разведки. По крайней мере, так считал Казим. Сам турок никогда не называл ни организацию, в которой работал, ни свою должность. Он отыскал Казима еще десять лет назад в Стамбуле, где тот находился на лечении после ранения. Выражаясь пространно «мы», турок предложил сотрудничать, заверив, что «они» уже имеют достаточно информации о Казиме, чтобы доверять. С тех пор Казим по меньшей мере два раза в год получал задачи непосредственно от этого человека. Как правило, это были заказы на проведение крупномасштабных террористических акций, приуроченных к каким-либо датам, организацию покушений на высокопоставленных чиновников.

Занимался он и сколачиванием подполья в соседних с Чечней республиках, организовывал взаимодействие и обмен информацией. Восемь лет назад Казим принимал участие в теракте на территории Северной Осетии. У одного из рынков Владикавказа был взорван автомобиль. Когда возвращались в Чечню, попали в организованную милицией засаду. Тогда-то Казим и получил четырнадцать лет колонии строгого режима. И то только потому, что его прежние злодеяния не были известны ФСБ. Однако вышел намного раньше. Так что, по большому счету, прокурор Сарпов, хотя ему и очень хорошо заплатили, мало что мог сделать. Просто настало время, когда пути-дороги этих «заклятых друзей» окончательно разошлись. Кто-то должен был умереть. А первым умирает тот, кто стреляет последним. Кроме того, Казим не был бы Казимом, если бы одновременно не преследовал несколько целей. Замышляя убийство Сарпова, он собирался продемонстрировать всем, что возмездие неизбежно настигнет отступников и рано или поздно коснется любого, кто свернет с истинно исламского пути борьбы с неверными.

Впрочем, Казим не был религиозным фанатиком, хотя исповедовал идеи ваххабизма. По-другому нельзя. Это именно то знамя, под которым он снова соберет людей. В сущности, большинству чеченцев сейчас, так же, как и ему, безразличны идеи мусульманского фундаментализма и шариата. Основная цель, ради которой они идут в моджахеды, – заработать деньги. Казим давно понял, что главной причиной тлеющей войны является низкий уровень жизни на Кавказе. Чем заниматься главе семейства или молодому мужчине в той же Ингушетии, если из десяти человек в республике восемь не могут найти работу? Ингуш – это не русский из глухой уральской деревни, который просто беспробудно пьет, постепенно сводя себя в могилу. На Кавказе традиционно мужчины несут ответственность за свои семьи. Это воспитывается с раннего детства. В противном случае такой народ обречен на вымирание.

Казим не сомневался, что алкоголизм и наркомания в России стимулируются из-за океана. Кроме этого, за годы войны в Чечне значительно выросло количество неграмотных людей. Как следствие, отсутствие образования. Молодежь, в отличие от своих сверстников в России, не может поступить в институты. Казим был уверен: сейчас, как никогда, можно не только хорошо заработать на оболванивании нищих, безграмотных людей, особенно молодежи, но и занять достаточно высокое положение среди лидеров сопротивления.

Казим посмотрел на часы и встал. Услышав шум, Назыф встрепнулся. Он откинулся на спинку стула, потер руками лицо, потянулся:

– Пора?

– Да, – подтвердил Казим, вынул диск из проигрывателя и уложил его в пластиковую коробку. – Иди, умойся.

Несмотря на то, что турок жил в той же гостинице, что и Казим, местом для встречи они выбрали нейтральную территорию.

Спустя полчаса Казим в сопровождении Назыфа вышел из такси на тихой улочке на окраине Баку. Пройдя по глухому переулку, они оказались перед утопающим в зелени двухэтажным домом. Назыф надавил на кнопку звонка, закрепленного на одном из столбов невысокой ограды из кованых прутьев. Между подстриженными в форме шаров кустами появился мужчина славянской внешности. В руке была портативная станция. Без лишних вопросов он подошел к калитке.

– Здравствуйте. Вас уже ждут.

По дорожке, выложенной тротуарной плиткой, Казим направился к дому. Они миновали просторную веранду и оказались в фойе. Снаружи дом выглядел скромнее, чем внутри. Мрамор, огромные диковинные растения и позолоченные перила впечатлили Назыфа, который был здесь впервые. Он споткнулся о ступеньку и едва не упал. Они прошли на второй этаж. Сопровождавший их мужчина любезно открыл высокие двери и посторонился, пропуская вперед.

В просторной комнате было прохладно. На украшенных коврами стенах было развешено инкрустированное серебром и золотом оружие. Полупрозрачные зеленые шторы прикрывали два огромных окна. Интерьер дополняли несколько шкафов с книгами и телевизионная панель.

Муджав сидел за столом, уткнувшись в ноутбук. За восемь лет турок сильно изменился. Залысины превратились в огромную, шоколадного цвета плешь, остатки волос поседели. Глаза опутала густая сетка мелких морщин. При появлении гостей лицо турка оживилось. Он опустил крышку и поднялся из-за стола:

– Здравствуй, Казим! Как я рад видеть тебя!

Казим ответил на рукопожатие и указал рукой на стоявшего позади Назыфа:

– Это мой новый помощник.

Турок сдержанно поздоровался и посмотрел за спину гостей.

Казим обернулся. На месте сопровождавшего их мужчины стоял уже другой. Он тоже был европейцем, но намного выше ростом и уже в плечах. Взгляд маленьких, болотного цвета глаз казался уставшим. Через загар на узком лице проступали веснушки, но волосы были русыми.

– Знакомьтесь, Джимми Ширрер, – представил Муджав.

Турок больше ничего не сказал. Однако, пожимая холодную и узкую ладонь Джимми, Казим сделал вывод, что он англичанин. Не имело смысла ломать голову и над тем, какое ведомство представляет этот человек.

Они расселись вокруг невысокого круглого стола.

– Господин Ширрер представляет в Баку международную организацию по правам человека, – турок посмотрел на англичанина, словно давая ему возможность поправить себя, и продолжил знакомство. – Мы давно сотрудничаем и уже хорошо знаем друг друга.

Ширрер кивнул, натянуто улыбнулся и с едва заметным акцентом заговорил на русском языке.

– Мне сорок лет. Моя работа всегда была связана с Россией. Этим могу объяснить свое знание языка. Готов ответить на ваши вопросы.

– Хотелось бы узнать, зачем мы понадобились правозащитникам? – спросил Казим, с ходу невзлюбив нового знакомого.

– Мне стало известно, что мой друг, – англичанин показал рукой на Муджаву, – встречается с человеком, который отбывал срок за борьбу с оккупационным режимом. Я пожелал к нему присоединиться. Всегда интересно увидеть человека, побывавшего в застенках ФСБ, выслушать его мнение о проблемах Кавказа.

– Думаю, уважаемый Джимми достаточно знает обо мне, раз решился на встречу, – с плохо скрываемым раздражением проговорил Казим, глядя на Муджаву. – Разве я не доказал свою преданность?

– Казим, тебя не было восемь лет, – Муджав развел руками. – Время меняет людей.

– Тогда зачем, по-твоему, я приехал сюда? – удивился Казим. – Неужели ты считаешь, что за эти годы меня смогли завербовать? – он хлопнул ладонью по колену. – Как я не подумал! Действительно, именно поэтому мне не дали пожизненный срок, а выпустили на семь лет раньше.

– Зря так шутишь, – Муджав сделал вид, будто обиделся. – Мы все это время следили за происходящим и, как могли, помогали.

– Извини, если обидел, – стушевался Казим. – Я даже не поблагодарил тебя за адвокатов.

– Ладно, – отмахнулся Муджав. – Это было нашим долгом, – он посмотрел на Джимми.

– Прежде чем приступить к обсуждению темы, из-за которой я приехал сюда, хочу напомнить, что косноязычность – одна из особенностей людей нашего круга, – англичанин выдержал паузу, словно давая возможность чеченцам переварить услышанное. – Казим, вы должны понимать, что не всегда уместно называть вещи своими именами. Я бы сказал, неэтично. Это даже со стороны выглядит нелепо. В обиходе вы террорист, а я английский шпион. Да! Да! – он закивал головой. – Как бы вы не избегали таких определений, так оно и есть для большей части граждан вашей страны. Зачем бравировать, подменяя, как говорят русские, шило на мыло?

– Я предпочитаю, чтобы меня называли руководителем подполья, моджахедом, как угодно. Можно даже партизаном. Но никак не террористом, – зло проговорил Казим. – Я борюсь с неверными за свободу своего народа. Разве не так?

– Все так, – терпеливо, как с маленьким ребенком, продолжил разговор Джимми. – Но разве вы измените свое отношение к нашему общему делу, если вас будут называть как-то иначе?

– Конечно, нет, – окончательно разозлился Казим. – Но, если вы считаете меня террористом, я не буду продолжать разговор.

– Зачем все так утрировать? – Джимми примирительно улыбнулся. – Я всего лишь хотел сказать, что не вижу смысла отступать от правил. Не обязательно называть вещи своими именами. В конце концов, это отражается и на конспирации.

Казим уже пожалел, что начал этот разговор. Он с самого начала был беспредметным. Действительно, с чего он завелся? Ему стало неудобно. Заметив это, на выручку поспешил прийти турецкий куратор.

– Господину Оспанову пришлось многое пережить, это просто нервы.

Казим вконец расстроился. Его практически пожалели как женщину.

– Конечно, я не спорю, основная цель вашей деятельности – это свобода чеченского народа, – поспешил сгладить неловкость англичанин. – Вместе с тем, Чечня не одна на Северном Кавказе. Мы одинаково будем помогать и другим республикам. Вы долгое время не имели возможности знать реальное положение дел, – продолжал англичанин, имея в виду заключение Казима. – А оказавшись на свободе, столкнулись с русской цензурой. Поэтому я хочу вам пояснить некоторые моменты. Многим вашим коллегам стало казаться бессмысленным воевать с Россией. Некоторые даже, – он пощелкал пальцами, подбирая нужные слова, – покинули ряды освободительного движения. Несмотря на это, я могу сказать, что вложенные в него деньги не были потрачены зря. Цель близка, но уставшие от войны народы Кавказа не видят этого. На самом деле за последние годы Россия очень сильно сдала свои позиции на Кавказе и ослаблена в целом. Грузия, которая могла быть союзником, вытеснила ее военную базу из Ахалкалаки. Русские военные в Гюмри остаются в окружении. Одновременно Москва практически не чинила препятствий США в их стремлении упрочить свои позиции в Средней Азии. Пока этот регион используется для создания военного кулака против афганских талибов и Ирана. Но всем понятно, что после того как Соединенные Штаты прочно обоснуются в регионе, Россия окажется в полной изоляции. У нее не будет даже пояса безопасности. Политика стран Запада постепенно делает ее изгоем. Не за горами тот день, когда эта империя развалится на части по

примеру Советского Союза. Это неизбежно. Я не буду скрывать, мы заинтересованы в ресурсах среднеазиатских государств и рано или поздно получим их. Россия, наполовину состоящая из алкоголиков и наркоманов, скоро сама отдаст все.

Англичанин замолчал.

– Может, кофе? – осторожно поинтересовался Муджав.

– Чай, если можно, – вспомнив вкус приготовленного по-турецки напитка, попросил Казим.

Турок посмотрел на двери и что-то сказал на своем языке. Через минуту в комнату вошла женщина с подносом. Она быстро расставила на столе чашки, разлила золотистый напиток и так же бесшумно исчезла.

– У вас есть надежная компания, через которую можно будет в дальнейшем перечислять деньги? – нарушил тишину Ширрер. – Чтобы уже через нее распределять помощь между отрядами и организациями?

– В Чечне это сложно, – не сводя с него взгляда, Казим взял чашку, отпил глоток. – ФСБ очень тщательно проверяет все финансовые операции. Можно проводить средства через банки Ростова или Астрахани. В Москве вообще нет проблем. Но неизбежно возникнут небольшие трудности с перевозкой наличности.

– Мы не собираемся вам давать столько, что для транспортировки денег понадобится большой чемодан, – улыбнулся Джимми.

– Я не это имел в виду, – Казим переглянулся с Назыфом, отпил еще один глоток и вернул чашку на стол. – Как правило, чем длиннее путь, тем тоньше пачка.

– Я не понял, – англичанин часто заморгал.

– На каждом этапе надо платить за транзит, – стал пояснять Казим. – Ни я, ни Назыф не можем этим заниматься сами. Люди, которые руководят подпольем, на виду. Другая проблема – контроль за курьером. Как быть, если он заявит, будто у него все отобрали милиция или хулиганы, что, кстати, очень может быть? А как узнать, что человек попросту их украл? Еще в середине девяностых, когда деньги в Ичкерии шли потоками по разным каналам, до тех, кто в них нуждался, доходили крохи. О чем можно говорить сейчас, когда в Чечне даже родственники перестали доверять друг другу?

– Что вы предлагаете? – прищурился Джимми.

Казим выдержал паузу, делая вид, будто обдумывает ответ. На самом деле он давно уже был готов. Проведенные в тюрьме годы, а потом и несколько месяцев жизни в Москве, заставили Казима пересмотреть некоторые взгляды на ситуацию. Он понял, что не для всех его единоверцев настолько священна эта война, как они это пытаются представить своим подчиненным. Казим знал, что почти все влиятельные полевые командиры умудрились большую часть денег, которые шли в виде помощи, вложить в собственный бизнес за рубежом. Парадокс: в столице страны, против которой они воюют, у многих свое дело. Как говорят русские, «кому война, а кому мать родна».

А годы свое берут. Незвестно, сколько еще он сможет бегать по горам. Здоровье уже не то. Да и где гарантии того, что в одном из боев его не найдет вражеская пуля? Что тогда будет с детьми? Поэтому на встречу Казим ехал с твердым намерением приложить все усилия, чтобы на этот раз себя не обидеть. Он уже заранее все обговорил с Назыфом, которому мог доверять, поскольку тот приходился двоюродным братом его жены.

– Оптимальный и не раз проверенный способ финансирования давно отработан, это «хавала», – заранее зная, что Джимми имеет представление о том, что это такое, Казим выдержал паузу.

– Хавала, – словно эхо повторил Джимми и откинулся на спинку дивана. – С арабского переводится как вексель, расписка. Неформальная, так сказать, финансово-расчетная система, которая у вас, на мусульманском Востоке, появилась задолго до распространения западного

банковского дела. Иными словами, передача денег и ценностей из рук в руки. Все основано на доверии.

– Главное, эта система практически никогда не подводит. И, что немаловажно, расходы минимальные, – Казим посмотрел на Назыфа. – Если раньше было один-три процента, то теперь, наверное, не намного больше?

– Максимум пять, – подтвердил Назыф.

– Кроме того, хорошо бы разработать какой-нибудь гуманитарный проект и напрямую переводить деньги в Грозный. На этот счет есть кое-какие предложения у моего помощника, – Казим показал взглядом на Назыфа.

– В обоих случаях вы полностью берете под свой контроль весь финансовый поток, – нахмурился Джимми. – Но я ищу способ оказывать помощь всем нуждающимся.

– А что здесь плохого? – удивился Казим. – Я был, напротив, уверен, что это вас устроит. Вы отдаете деньги моему представителю в любой стране, где вам удобнее работать, а дальше не ваша забота, как они попадут ко мне.

– Не все так просто, – вступил в разговор турок. – Дело в том, что наши адреса не только в Чечне. Несколько сильных, влиятельных групп сформировались в Дагестане, Ингушетии и в Нижнем Поволжье. Беря на себя финансирование этих организаций, ты сильно рискуешь. Где гарантия того, что, если одна из них провалится, не пострадают остальные? Для спецслужб это будет ниточкой, которая свяжет сразу несколько регионов.

– Всегда можно сделать так, чтобы она в нужном месте оборвалась, – усмехнулся Казим.

Он понял, больше всего турок боится не этого, а концентрации власти в одних руках. Ведь кто платит, тот и заказывает музыку. Для всех остальных не Муджав, а он станет финансистом.

– Хорошо, мы оставим пока этот вопрос открытым, – вновь заговорил Джимми. – А пока я хотел бы поговорить с вами о конкретном деле. – Он достал из нагрудного кармана рубашки небольшой блокнот и, полистав его, оживился. – Одна из журналисток газеты «Время» при беседе на посту, расположенном рядом с селением Курчалой, задала вопрос: «Правда или нет, что в Чеченскую Республику едут служить те, кто не может заработать другим способом?» Один из офицеров ей ответил, что это не так, а у них в роте служит командир взвода, лейтенант Пахомов, у которого папа – генерал. Мы проверили, действительно, такой генерал есть. Более того, он занимает серьезный пост в Генеральном штабе.

– Надо украсть этого офицера? – попытался угадать Казим.

– Нет, – покачал головой Джимми, – как раз красть его не надо. Хотя, – англичанин с интересом посмотрел на чеченца, – возможно, для того чтобы инсценировать то, что мы планируем, без этого на начальном этапе не обойтись. Он должен стать для всего цивилизованного мира примером того, как жестоко действуют русские военные на Кавказе.

– Нужно, чтобы он совершил преступление? – догадался Казим. – Это сложно. Наверняка за ним установлен негласный контроль.

– Вас никто не торопит, – поспешил успокоить Казима Джимми. – Будет время обзавестись нужными людьми, которые знакомы с этим лейтенантом, узнать его слабости, где проводит время, когда уезжает в отпуск. Здесь большой простор для фантазии. Параллельно с этим необходимо активизировать деятельность сопротивления по всем направлениям. Сами понимаете, приближаются холода. Возможностей будет меньше.

– В том-то и дело, что не за горами зима, – согласился с ним Казим. – Сейчас надо готовиться к ней. Запасаться продовольствием, топливом, готовить укрытия.

ГЛАВА 2

Бронетранспортер вздрогнул и неторопливо покатыл по дороге, идущей через сад к окраине села. Подступающие с обеих сторон деревья скрывали его от глаз боевиков, но и наводчик пока еще не мог видеть дома, где засели боевики. Прикрываясь стальным корпусом, справа двигалась группа из пяти бойцов.

– Живее! – держа автомат стволом вверх, поторопил Пахомов семенившего впереди сержанта Суворина.

Деревья расступились. Стало светлее. БТР выехал на поляну, отделявшую село от сада. Одновременно впереди раздался треск автоматных очередей. Ухнула граната. Это пошли на штурм спецназ ФСБ и ГРУ. Они выдвинулись и заняли исходные позиции еще затемно. Разведроты, в которой служил лейтенант Пахомов, прочно блокировала район с задачей не допустить прорыва противника из села, а также пресечь попытки помощи извне. Но на помощь к зажатым со всех сторон бандитам так никто и не пришел и до рассвета они лишь вяло огрызались огнем из автоматов.

Сверху раздался звук, словно на броню уронили с десятков стальных шаров. Это наводчик дал очередь из крупнокалиберного пулемета, посыпались стреляные гильзы. Пахомов вздрогнул, втянул голову в плечи. Справа потянулся забор из камней. Вышли на исходный рубеж. БТР остановился и снова выпустил очередь в сторону дома.

Пахомов обернулся:

– Рассредоточиться!

Солдаты без напоминания стали разбегаться в стороны. Пахомов бросился вперед, к тянувшейся вдоль дороги канаве. Бронетранспортер остался позади. Ближе от него будет мало толку. Село уходит вниз по склону, и превращенный в крепость дом окажется для его пулеметов в мертвой зоне. Но подъехать к нему вплотную все-таки придется после того, как наступающий из центра села спецназ прорвется во двор со стороны улицы.

До кювета оставалось несколько шагов, когда над ухом неприятно пропела пуля. Причем Пахомов ее скорее почувствовал, чем услышал. А может, показалось? Ведь кругом такой грохот. Тем не менее он насколько мог резко оттолкнулся ногой от земли и бросился в спасительный кювет, в последний момент чертыхнувшись. Приземлился лейтенант на осколки разбитой чашки, обломки кирпича и еще какой-то хлам. Сюда не один год выбрасывали мусор и сливали помой. Пахомов поудобнее лег на живот, направил ствол автомата на калитку и нажал на спуск. Справа примостился Суворин. Он прицелился и тоже дал несколько коротких очередей по крыше.

Пахомов посмотрел по сторонам. Все бойцы заняли позиции на одной линии с ним.

– Болдырев! – позвал Пахомов невысокого солдата, устроившегося слева от него. Без лишних слов лейтенант показал большим пальцем за спину, потом махнул рукой, давая понять, чтобы тот освободил дорогу для бронетранспортера.

Солдат понял и стал отползать в сторону.

В это время брызнул осколками валявшийся у обочины камень, они ударили в правую половину лица. Пахомов зажмурился, охнул и перевернулся на бок.

– Ранили, лейтенант? – раздался над самым ухом голос Суворина. Сержант схватил его за плечо и попытался перевернуть на спину.

– Все нормально! – процедил сквозь зубы Пахомов и часто заморгал. Из-за попавшего в глаза песка текли слезы. Он снова перевернулся на живот и попытался понять, откуда стреляли. На крыше было небольшое окно. Стекло отсутствовало. Пахомов прицелился правее него. Если бандит там, и он правша, то пробившие профильное покрытие пули наверняка достанут его. Он нажал на спусковой крючок. Потом еще раз.

– Каштан, – раздался в наушнике голос начальника штаба полка. – Прорыв!

– Окна держим! – крикнул как можно громче Пахомов и дал несколько очередей по деревьям, которые окружали дом.

Вдоль забора справа побежали гуськом спецназовцы.

Сзади раздался шум двигателя бэтэера. В тот же момент слева от Пахомова в канаву вкатилось колесо. Потом второе... Через мгновение БТР переехал дорогу, подкатил к огромным металлическим воротам и двинул их корпусом. Раздался грохот. БТР отъехал немного назад и снова рванул вперед, оказавшись на полкорпуса во дворе. Снова встал. Сзади, из выхлопных труб, вырвались сгустки черного дыма, и он выехал обратно на дорогу. Пахомов вскочил и перебежал правее. По тому месту, где он только лежал, бронетранспортер вернулся на исходную позицию. В образовавшийся пролом рванули спецназовцы. Во дворе началась беспорядочная стрельба.

– Прекратить огонь! – запоздало крикнул лейтенант, не расслышав собственного голоса.

Бойцы перестали стрелять по дому. Они выполнили свою задачу – обеспечили проникновение во двор группы спецназа.

Пахомов поставил автомат на предохранитель и уткнулся подбородком в согнутую в локте руку. На фоне не стихающей стрельбы во дворе снова ахнула граната. Раздался протяжный вопль. Послышались короткие команды. Кто-то матерился. Пахомов с тоской наблюдал за домом, из окон которого повалил дым. Боевики уже почти не отстреливались. Это было заметно по двум спецназовцам, которых мог видеть Пахомов через проем в заборе. Они почти не прятались. В это время со двора выбежали еще двое. Под руки они волокли третьего. Голова офицера свисала на грудь, он едва успевал перебирать ногами.

– Клен, – раздался голос начальника штаба, – раненого прими.

– Понял, Гроза, – Пахомов посмотрел вправо. – Болдырев! Ты и Федоров, – он показал рукой на спецназовцев, – помогите.

Боец кивнул. Пахомов направил автомат на палисадник, внимательно наблюдая, как бойцы поднялись и бросились к дому. Лейтенант двинулся следом, готовый в любой момент поддержать своих подчиненных огнем. Бойцы перебежали простреливаемый с крыши участок и подхватили раненого. Пахомов, прикрывая своих солдат, пятился назад. В этот момент на чердаке что-то блеснуло. Он поднял ствол выше, но не успел надавить на спуск. Крыша вдруг увеличилась в размерах. Разрывая металл словно бумагу, наружу вылезли стропила, сильный взрыв разметал во все стороны разный хлам. словно в замедленном кино он видел, как прямо в лицо летит размером с кулак обломок кирпича, и зажмурился. Вспышка мягкого света сменилась странным состоянием невесомости, тишины и покоя. В следующий миг он открыл глаза. Над ним было небо. «Странно!» – удивлению не было предела. Как оказалось, Пахомов лежал на спине под огромной грушей. Бронежилет с него был снят, куртка и ремень расстегнуты.

– Ну что с ним? – раздался голос начальника штаба полка.

– Сотрясение, – бойко проговорила Леночка. – Но, похоже, ничего страшного. Отлежится несколько дней и будет как новенький.

У санинструктора второй роты ефрейтора Елены Авдеевой был нежный, бархатистый голосок, от которого Пахомова бросало в жар. Но лейтенант старался избегать с ней встреч. Леночка, увы, принадлежала другому. Она была женой начальника связи бригады, в которой служил и Вадим. Рослый, статный майор и не подозревал, что по его супруге уже второй месяц сохнет молодой лейтенант.

Год назад Вадим окончил Дальневосточный военный институт, куда сбежал от отцовской опеки. Пахомов-старший, дослужившийся до генеральских звезд, настаивал на поступлении в один из московских военных вузов. Но сын тоже оказался с характером. После выпуска Вадим попал служить под Хабаровск. Там новоиспеченный лейтенант на время выпал из-под бдительного родительского ока, чем с ходу воспользовался. Кадровики всегда испытывали нехватку в

молодых командирах взводов, поэтому рапорт Пахомова о переводе в распоряжение командующего войсками Северокавказского военного округа был удовлетворен в течение трех дней. Отец спохватился, когда Вадим уже успел отслужить в Чечне месяц. Надо отдать должное, он не только смирился, но и не пытался создать ему тепличные условия. Хотя со стороны командования бригады такие попытки были, что первое время сильно било по самолюбию Вадима. В общежитии, где он поселился, через две комнаты жила со своим мужем Лена.

Окончательно придя в себя, Вадим попытался приподняться на локтях.

– Лежи! – в грудь уперлась ладошка.

Тут же на фоне неба появилось испуганное лицо Лены.

– Ну, сосед, ты даешь! Напугал всех, – она быстрыми движениями принялась бинтовать ему голову.

– Что со мной было? – Вадим схватил ее за руку и сел.

– Дай сначала перевязку закончу, – потребовала она и встала.

Он потрогал лоб и поморщился, задев ссадину.

– Не трогай руками! – назидательно сказала Лена. Он перестал сопротивляться.

– Я надолго отключился?

– По медицинским меркам, достаточно, – подтвердила она, взяла из стоящей рядом сумки ножницы, отрезала бинт и ловко завязала узелок. – В медсанчасть надо. Сотрясение у тебя.

Лена выпрямилась, подхватила сумку с красным крестом, перекинула через плечо матерчатый ремень.

– Давай в машину! Сам идти можешь?

– Какая машина? – он огляделся вокруг и не увидел автомата.

– Оружие твой сержант забрал, – пояснила она.

Вадим стал подниматься. Лена хотела помочь и протянула руку, чтобы взять его под руку, но он отстранился.

– Ты поосторожнее, а то еще мужу скажут...

– Чего?! – протянула она.

Он ничего не сказал. Едва удалось подняться, как земля медленно поплыла из-под ног. Он незаметно ухватился за ствол груши и тяжело задышал. В глазах стало темнеть.

– Что, плохо? – Лена участливо заглянула ему в лицо.

– Уже лучше, – заверил он и огляделся.

У развалин взлетевшего на воздух дома стояла пожарная машина. Часть забора обрушилась, часть устояла, слегка накренившись в сторону улицы. У дороги замерли несколько БТР, два «уазика» и гражданская «скорая помощь». По двору бродили милиционеры. Невдалеке, на противоположной стороне дороги, кружком стояли участники штурма.

– Чем все закончилось? – спросил он Лену.

– Ты помнишь, как тебя кирпичом по голове приложило?

Он кивнул.

– Это боевики свои запасы взрывчатки подорвали.

– Все живы?

– Раненых у спецов много. – Лена неожиданно перекинула на живот сумку, порылась в ней, достала кусок бинта и небольшую фляжку.

– Возьми, умойся. Смотреть страшно.

– Да? – удивился Вадим.

Он подошел к машине начальника штаба. За рулем скучал водитель. Рядом больше никого не было. Вадим заглянул в зеркало заднего вида и улыбнулся. Лицо было перепачкано грязью, глаза припухли, а светлые волосы казались рыжими от пыли. Всему этому нелепый вид придавала повязка.

Он плеснул на бинт воды и стал протирать щеки.

– Так, – раздался голос начальника штаба, – что с Пахомовым?

– Ему к невропатологу надо, – в который раз повторилась Леночка.

– Пахомов! – начальник штаба поманил его рукой.

Стараясь не шататься, Вадим подошел ближе.

– Мне жертвы не нужны, как скажут, так и будет, – разглядывая лицо лейтенанта, объявил подполковник.

– А я что? – Вадим развел руками. – Разве против?

– Вот и хорошо, – засуетилась Лена. – Давай в машину.

– Я со своими доеду, – возразил Вадим. – Там подойду, куда скажешь.

– Договорились, – Лена улыбнулась.

Вадим не выдержал ее взгляда и направился к грузовикам.

* * *

Антон открыл глаза, но крошечная темнота не прошла.

«Так можно спать, не закрывая глаз», – подумал он и медленно сел. По стенке их наскоро открытого укрытия посыпались песок и галька.

Слева заворчался Дрон:

– Сколько времени?

Антон поднес часы к лицу. Но флуоресцирующий циферблат уже давно нельзя было разглядеть. Он должен подзаряжаться на свету, а спецназовцы уже третьи сутки безвылазно сидят в схроне и ждут, когда по условиям учений перешедшие в наступление подразделения «красных» освободят территорию, на которой находится группа. Он опустил руку.

– Чего молчишь? – снова раздался голос Дрона.

– Не видно ни черта, – признался Антон и зевнул.

– Ты просто ослеп от безделья, – неловко пошутил Дрон. – Знаешь, в подземных озерах есть незрячие рыбы. Им глаза не нужны. Так и у нас...

– Лучше бы ты, Вася, немой был, – хмыкнул Джин.

– Вы бы тогда со скуки сдохли, – парировал Дрон.

– Вася, опять тебе не спится? – проворчал Шаман. – Болтаешь, как женщина.

– Сколько можно дрыхнуть? – возмутился Дрон. – Как медведи.

После уничтожения запасного командного пункта «противника», к месту расположения которого спецназовцы прорвались на машинах «синих», группа совершила многокилометровый переход в направлении береговой зоны. Поисковые группы ФСБ бросились в погоню, вызвав кинологов с собаками. Пришлось полдня провести в середине болота по грудь в жиже. Потом по своим следам вернулись в район, где всего сутки назад ликвидировали штаб. Здесь ажиотаж относительно поутих. Оборудовали под носом «противника» укрытие. Небольшой блиндаж, если его так можно было назвать, представлял собой большую нору, которая уходила под корневища давно высохшего огромного пня. В нем устроили нечто вроде вентиляционной трубы. Крышей служило перекрытие из тонких стволов деревьев и прорезиненных ковров, которые сверху заложили слоем земли и дерном. Лишний грунт относили и сыпали в небольшую речушку, которая протекала в паре десятков шагов. Даже отхожее место оборудовали прямо здесь же, в углу. Яму глубиной в полметра закрыли сверху крышкой, которую смастерили из тонких веток, нескольких кусков дерна и материи. На дно высыпали весь запас кошачьего туалета, который на такой вот случай тоже носили с собой.

Все лежали рядком на уложенных на землю спальных мешках. Было душно.

Антон встал на четвереньки, нащупал рюкзак, вынул из него фонарь, направил в потолок и включил.

– Черт! – вздрогнул Дрон. – Как сварка.

Антон убавил яркость, но глазам все равно стало больно, и он на мгновение зажмурился. Потом посмотрел на часы. Почти шесть утра. «А может, вечера?» – спохватился он. «Нет, проспать столько времени я просто не мог». Антон посветил по сторонам. Рыжий луч света вяз в пыли. Все проснулись и сейчас сидели. Кто-то разминал ноги и поясницу, кто-то тер шею. Иногда выдержать длительное время в такой яме намного труднее, чем сделать многокилометровый марш-бросок.

Антон вынул упаковку салфеток, сел, протер лицо, шею, грудь и руки. Тело было липким от пота и зудело от грязи.

– Дрон, готовь завтрак. – Антон скомкал салфетку и сунул ее под брошенный на ветки деревьев спальный мешок.

Дрон сел:

– Воду греть?

– Обойдешься, – пробубнил из угла Шаман. – И так дышать нечем.

Сухой спирт, который использовали спецназовцы, не только сжигал кислород, но и при горении выделял неприятный запах. Хотя и сейчас, если в укрытие спустится нормальный человек, он наверняка задохнется от смрада немытых тел, человеческих испражнений и прочих продуктов жизнедеятельности десяти здоровых мужчин.

Зуммер радиостанции, антенна которой была выведена наверх, заставил всех замолчать.

Антон протянул руку в сторону Вишнякова.

– Кто там?

– Командный пункт, дежурный, – Вишняков всучил похожее на трубку телефона устройство.

– Слушаю, Филин, – прижав ее к уху, представился Антон и назвал пароль на сегодняшний день. – Астрахань.

– Нахичевань, – произнес заспанным голосом отзыв дежурный. – Это капитан Феклистов.

– Слушаю тебя, капитан, – Антон зевнул, пытаясь представить по голосу, как выглядит говоривший с ним офицер. – Чем обрадуешь?

– Прими предварительное боевое распоряжение.

– Давай, – Антон надеялся, что дежурный сейчас действительно их обрадует и им больше не придется гнить в этой норе.

Он не ошибся, но с первых слов понял, что для спецназовцев на этом учения не заканчиваются. Феклистов в двух словах обрисовал обстановку, исходя из которой следовало, что цели и задачи «красных» достигнуты. Понесся большие потери, лишенный централизованного управления «противник» дезорганизован и спешно отходит на свою территорию. На направлении действия группы наши подразделения развивают успех. Однако диверсионному подразделению «синих» удалось захватить в заложники пассажиров судна «Инженер Попов», которое стоит на рейде порта Высоцк. Условия возвращения заложников и корабля «противник» выдвинул достаточно жесткие: освободить пленных и дать возможность попавшим в мешок подразделениям беспрепятственно уйти к своим.

Антон слушал капитана в пол-уха. Он уже понял, что им будет поставлена задача освободить судно. Пока дежурный монотонно бубнил в трубку, он мечтал об одном – чтобы высадка проходила шаблонно. Спустя десять минут группа бесшумно ушла к месту, куда должен был сесть вертолет.

Дальше все прошло штатно. Как Антон и предполагал, под занавес их решили сильно не мучить. Находившийся на борту подполковник, отвечающий за последний этап учений, быстро провел инструктаж. Прапорщик из группы обеспечения выдал снаряженные боевыми патронами магазины и гранаты. Конструкция корабля спецназовцам была известна – не один раз

отрабатывали похожие задачи. Чтобы отвлечь внимание находившихся на «Инженере Попове» людей, одновременно подготовку к высадке должны были имитировать еще два вертолета.

Спустя пятнадцать минут полета вышли в район порта. Штурман сразу поднялся с откидной скамейки в проходе кабины, протиснулся в салон и похлопал Антона по плечу:

– Заходим на «точку»!

Антон кивнул. Вертолетчик уже открыл дверь и отошел в сторону. Командир поднялся со скамейки, привинченной вдоль левого борта, пробрался к выходу и, придерживаясь за кронштейны и стенки, посмотрел вниз. В лицо ударил упругий влажный воздух. До судна оставалось около полукилометра. Это был давно списанный сухогруз, который отбуксировали от берега и поставили на якорь. На палубу, мостик, в проходы и каюты установили кассеты с мишенями. Их принцип был схож с работой подушек безопасности. Только срабатывали они не от удара, а от разного рода контактов и светодиодов. Стоило кому-то пройти по коридору, и цепь замыкалась, открыть двери – и, наоборот, цепь размыкалась. Для нескольких минут скоротечного «боя» специальная мишенная команда колдует над такой начинкой не один день, укладывая сотни метров проводов и пряча десятки датчиков.

Палуба стремительно приближалась. Антон прижался спиной к переборке, отделявшей кабину пилотов от пассажирского салона, и увидел, как над кормой завис еще один вертолет. На палубу полетели дымовые шашки.

Спецназовцы уже образовали живую «гусеницу» от дверей к концу салона, придерживаясь друг за друга и упираясь лбами в поясницу впереди стоящего. Вертолет словно налетел брюхом на невидимую резиновую подушку. Его слегка подбросило. Сработал один из принципов аэродинамики.

– Палуба! – рявкнул штурман.

– Вперед! – скомандовал Антон и для верности ударил Дрона в плечо.

Майор шагнул. За ним полетел Шаман, потом Джин. Антон отпустил руку, присел на корточки и оттолкнулся. Удар о палубу был ощутимым. Колени едва не встретились с челюстью. Перекатился в сторону, освобождая место следующему, и, пригибаясь, побежал вдоль правого борта. Слева раздался хлопок «Вала». Это работал Джин. Из-за свернутого троса и наваленных в кучу металлических ящиков выскочил манекен человека. Антон выстрелил машинально, не целясь. Мишень сникла. Почти сразу бегущий впереди Дрон опустил на колено и послал подряд две пули куда-то вперед. Сзади нагоняли Вишняков и Гайнуллин.

Эфир заполнили отрывистые команды и фразы.

– Стропа, прими левее.

– Джин, прямо...

– Это Дрон, минус один.

Антон не вмешивался в действия своих бойцов. На этот раз их действительно пожалели. Даже цели располагались практически в тех же местах, что и на недавней тренировке.

Быстро вбежали по трапу на мостик, по пути «свалив» выскочившего из люка еще одного «пирата». В открытое окно командирского мостика Дрон метнул гранату. Раздался взрыв. На голову полетели стекла. Антон пригнулся и рванул вперед. Вот Дрон влетел в распахнутые настежь двери. Антон шагнул следом. Навстречу двигались Джин и Шаман, проникшие в помещение через смежный вход. У штурвала сник посеченный осколками гранат муляж человека. Еще два, просто выпиленные из фанеры, превращенные в щепки, валялись на полу. Отсюда по трапу вниз и направо каюта капитана. Дальше по коридору четыре помещения, одно из которых – радиорубка.

– Это Вишня, мы на полубаке, чисто, – раздался в наушнике голос лейтенанта.

– Джин, машинное, – приказал Антон, а сам скатился вниз по трапу вслед за Дроном.

Антон встал напротив дверей капитанской каюты и кивком головы дал понять, что готов. Дрон распахнул дверь. Антон шагнул внутрь. Цель прямо. Он надавил на спуск. Свинец разо-

рвал фанерную мишень на уровне груди и врезался в установленный у стены сколоченный из толстых досок деревянный щит. Не будь его, неизвестно, куда могла бы срикошетить пуля. Переборки кают железные, а помещения тесные. Стрельба в замкнутых пространствах сама по себе опасна. Силуэт справа, у стола. За ним еще один... Антон развернулся. И вдруг шестое чувство ему подсказало, что тут кто-то есть живой. Из-за стальной переборки раздался знакомый голос:

– Все, Антон! Задача выполнена. Молодцы!

– Уф-ф! – в тот же момент кто-то толкает его сзади. Он делает шаг вперед, все еще не веря своим глазам. Генерал Родимов со спокойным видом надавил на кнопку секундомера и посмотрел на Филиппова:

– Привет!

– Ни хрена себе! – протянул Дрон.

– Ну, Федор Павлович! – Антон покачал головой и стянул с головы косынку. – Спасибо!

– Что такое? – строго спросил Родимов.

– Ничего, – пробурчал Антон, утирая с лица пот. – Пуля – она ведь дура. Мало ли куда полетит. – Его вдруг затрясло.

В системе подготовки спецназа целый комплекс упражнений рассчитан на развитие внимания и управление эмоциями. Это, например, движение навстречу друг другу с одновременным ведением огня по целям, установленным позади напарника. Пули в таком случае проходят практически рядом с головой. Но это – необходимый элемент тренировки. А Федор Павлович-то здесь зачем? Плохое освещение через грязные стекла иллюминаторов, наконец, накопившаяся за время напряженных учений усталость могли сыграть злую шутку.

Невысокий, абсолютно седой генерал, с живым взглядом и слегка заостренным носом иронично улыбнулся:

– Не рад меня видеть?

– Было бы глупо вам говорить, что вы только что находились в опасной зоне. Чуть что, и...

– Чуть не считается, – парировал генерал.

– Так заикой можно остаться, – проворчал Дрон.

– Я был уверен, каждый из вас с легкостью идентифицирует цель, – Родимов направился к выходу. – Построение на верхней палубе через четыре минуты.

* * *

Сидя за столом, установленным под навесом из маскировочной сетки, прапорщик Рашид Алиахметов рассеянно слушал рассказ сержанта Грымова о проделанной до обеда на складе работе и ковырял вилкой салат из помидоров. Сержант и еще несколько человек до обеда разгружали «КамАЗы». Бригада готовилась к зиме, и у начальника склада вещевого имущества Алиахметова настали напряженные дни. Все это совпало с известием о скором упразднении института прапорщиков. Новый министр обороны, по словам командира батальона материального обеспечения, где Алиахметов проходил службу, особо не разбираясь, резал при сокращении армии буквально по живому. Рашид при этом испытывал двоякое чувство. С одной стороны, его родина – Азербайджан, и по большому счету ему абсолютно безразлично, что будет с Россией и ее армией. С другой, он давно получил российское гражданство и возвращаться на родину не собирался, потому что там таких денег не заработать.

Рашид прекрасно знал, что его республика давно ведет закулисные переговоры с Турцией вопреки интересам северного соседа. Власти не первый год закрывали глаза на существование лагерей подготовки боевиков практически рядом с Баку, разрешали им транзит через свою территорию в страны Ближнего Востока и сквозь пальцы смотрели на то, что они лечатся в

местных медучреждениях. В России делали вид, будто об этом ничего не знают. Так было выгодно обеим странам. Что там двигало власть имущими – высокая политика или огромные деньги, маленькому человеку, у которого большая семья и многочисленные родственники, все равно. Для него государство – это его дом и родные, которым он должен помочь выжить.

Из дверей летней кухни появилась Хаят. Чеченка поставила на стол разнос, с которого подала тарелки с первым.

– Спасибо! – поблагодарил Грымов, невольно засмотревшись на гибкую фигуру девушки.

Хаят была в черном платке, застегнутом под подбородком, и такого же цвета платье. Лишь оборку по кромкам украшал скромный рисунок. Устроенное хозяином дома во дворе кафе пользовалось у военных расположенной за забором части большой популярностью. Как ни противились командиры, ни настаивали ходить в столовую, многие контрактники предпочитали обедать здесь. За год сосуществования заведения и воинской части тут не произошло ни одного эксцесса, и постепенно командование смирилось. Правда, ходили слухи, что до сих пор здесь не случилось ни одной заварушки только потому, что хозяин исправно платит боевикам.

Чеченка застенчиво улыбнулась и ушла.

– Новенькая? – Грымов проводил ее взглядом и посмотрел на Алиахметова.

– Нравится? – усмехнулся азербайджанец и кивнул. – Приютил ее Аслан. Она из Гудермеса. Училась в институте в Ростове. Там у нее любовь случилась с русским. Она против воли родителей замуж вышла. А тот пьяницей оказался, на машине разбился. Вернулась. Дома ее не приняли. Так и живет...

В глазах Грымова появился интерес.

– Значит, Аслан ей не родственник?

– Конечно, нет. – Рашид налег на суп. – А что?

– Так, – протянул Грымов, уже не сводя взгляда с летней кухни.

Рашид украдкой следил за сержантом.

Грымова звали Вячеславом. Родом с Поволжья. Среднего роста, с болотного цвета глазами на широком, загорелом лице, молодой мужчина пошел служить от безысходности – найти нормальную работу в их небольшом городке было практически невозможно. К тому же достали судебные приставы, которые требовали начать платить алименты брошенному вместе с женой ребенку.

Алиахметов не случайно оказался с ним за одним столиком. Даже работать на складе он сегодня специально взял человека из роты связи бригады. Уж кто как не Грымов, который был особо приближен к начальнику связи полка, может пригодиться для выполнения придуманного боевиками плана. Пару недель назад к нему в этом кафе подсел чеченец, который представился Назыфом и сообщил, что совсем недавно он был в Баку у своих друзей. Новый знакомый недвусмысленно намекнул, что имеет возможность в любое время навестить родных и близких Алиахметова. Он напомнил, что Рашид такой же, как и он, мусульманин, и дал понять, что ничего не имеет против того, что прапорщик приторговывает налево излишками муки с военного хлебозавода, находящегося в ведении батальона материального обеспечения. Чеченец умело прижал Рашида к стенке. Когда прапорщик это понял, Назыф объяснил, для чего он собрал эту информацию. Ему нужен был свой человек для несложных и не особо рискованных поручений. К тому же за приличную плату. И Рашид дрогнул. Уже на следующий день он пришел в назначенное место, где Назыф поджидал его в машине. Немея от страха, Рашид сел в старенькую «Ниву». Вопреки самым страшным предположениям, его не стали убивать или похищать. Просто-напросто рассказали о сути проблемы.

Как выяснилось, в разведывательной роте проходил службу лейтенант, отец которого был большой «шишкой» в Москве. Для начала требовалось узнать, как офицер характеризуется по службе, имеет ли замечания от командиров, установить круг его знакомых, выяснить наклон-

ности, уровень подготовки, слабости. Это не составило труда. За неделю Рашид собрал максимум информации и передал ее по назначению. Назыф был доволен. Особенно его заинтересовало то, что лейтенант тайно сох по жене начальника связи бригады майора Авдеева. В остальном воздыхатель оказался положительным во всех отношениях офицером. Он никогда не распространялся о своем отце, не брезговал никакой работой, наравне со всеми нес службу и участвовал во всех боевых операциях. Несколько дней назад Назыф снова отыскал Рашида. Теперь от азербайджанца требовалось найти человека, который хорошо знает Авдеева, и привести того сюда. Прапорщик наивно полагал, что после этого боевики от него отстанут, но не тут-то было.

Снова появилась Хаят. Убирая тарелки, она словно невзначай коснулась рукой запястья Грымова. Они встретились взглядами. Чеченка улыбнулась. Грымов покраснел и потупился.

Дождавшись, когда чеченка отойдет, Рашид слегка наклонился вперед:

– Нравится?

– Я что, сумасшедший? – беря в руки вилку, Грымов покачал головой. – Она же чеченка! Башку отпилят и не спросят, как зовут.

– За эту не отпилят, – со знанием дела сообщил Рашид, беря хлеб.

– Почему? – удивился Грымов с набитым ртом.

– Я же сказал тебе – падшая женщина, – пояснил Рашид и покосился за соседний стол, где сидели еще двое военных. – Ты у нее здесь не первым будешь.

– А вы откуда знаете? – Грымов едва не поперхнулся.

– Знаю, – заверил Рашид. – Хочешь, договорюсь? Она, кстати, на тебя глаз положила.

– Нет, – неуверенно покачал головой Грымов. – Я видел, чем здесь такие дела заканчиваются.

– Смотри, – пожал плечами Рашид, отодвигая тарелку и беря чашку с чаем. – Она в соседнем доме живет. С ней старуха. Совсем глухая и ничего не видит. Ночь от души оторваться можно.

– Все равно, – Грымов отряхнул руки, – я пас.

– Дело твое, – прапорщик сделал вид, будто потерял к теме всяческий интерес. – Сейчас надо все, что сгрузили, сложить на полки и пересчитать. Потом людей отведешь в роту.

– Сделаю, – уставившись на вновь появившуюся чеченку, кивнул Грымов и встал из-за стола.

Они прошли через двор и вышли на улицу.

Грымов остановился, надел на голову кепку, оглянулся на огромные железные ворота.

– Пошли быстрее, – поторопил Рашид. – До ужина надо все успеть.

Он не считал, что этот обед прошел зря. Грымов заглотнул наживку и в скором времени наверняка снова вернется к начатому за столом разговору. Алияхметов прослужил прапорщиком почти двадцать лет и хорошо знал солдатскую психологию. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы понять, на что способен человек. Из семи сержантов, которым мог поверить майор Авдеев, он выбрал именно Грымова. Вячеслав сталкивался с офицером по служебным делам по несколько раз на дню. Но для Алияхметова важнее было другое. Этот парень уже успел подмочить свою репутацию. Пару раз попадался пьяным в наряде, однажды его едва не уволили из-за драки. Однако майор, который интересовал Назыфа, доверял сержанту. Кроме того, Грымов хорошо разбирался в компьютерах и часто заменял писаря.

– А Хаят выглядит совсем молодо, – не удержался Грымов.

– Что ты сказал? – не сразу понял, о чем речь, занятый своими мыслями прапорщик. – Ты про чеченку?

– Сколько ей лет? – переспросил Грымов.

– Не спрашивал, – пожал плечами Рашид. – Двадцать, наверное.

Он прекрасно знал, молодой женщине гораздо больше. Она действительно успела побывать замужем, но за единоверцем. Год назад ее мужа убили в Дагестане. Родом она была вовсе не из Гудермеса. Назыф сказал, что Хаят нигде не бывала дальше соседнего села. Значит, местная. Ей предложили отомстить за мужа. Она согласилась и готовилась стать шахидкой. Однако Назыф решил использовать ее для другого дела. На последней встрече с Рашидом он прямо так и сказал: «Взорваться она всегда успеет».

* * *

Антон кивнул охраннику, проехал под полосатым шлагбаумом и остановился рядом с потрепанным «Фордом». Бетонная площадка, забитая к концу дня автомобилями, сейчас была практически пуста. Он заглушил двигатель, взял с пассажирского сиденья сумку и выбрался наружу. На дворе начало сентября, но даже в футболке было жарко.

Длившиеся почти месяц учения вымотали его полностью. Кроме рейда по тылам условного противника, постоянной игры в кошки-мышки с противодиверсионными группами они почти четверо суток безвылазно просидели в схроне, что тоже наложило свой отпечаток. И все же Антон давно пришел к выводу, что на войне ему намного легче. Там проще решать многие задачи, почти нет подковерных игр и никто не стоит за спиной.

Вернувшись в Москву, первым делом он решил отоспаться. Благо была середина недели и ни жена, ни сын не должны были помешать ему отдохнуть. Однако, открыв своим ключом дверь и войдя в квартиру, сразу понял, что его уже ждали. О присутствии жены говорил аромат приготовленного обеда. В комнате работал телевизор. Значит, и сын тоже дома. Но Антон не расстроился. Семья не была ему в тягость. Наоборот. За годы совместной жизни его чувства к жене если и претерпели изменения, то, как он считал, в лучшую сторону. Юношеская пылкость ушла. Зато все больше и больше Антон ценил в своей жене терпеливость, умение неделями, а то и месяцами безропотно ждать его из ближних и дальних командировок. И ни тебе упреков, ни жалоб на загубленную молодость, как это нередко бывает в офицерских семьях.

Антон прокрался на кухню и увидел Регину у плиты в розовом передничке на облегающем синем платье, мешающую в сковородке картошку. Рядом стояла кастрюля с ароматным борщом.

– Ой! – вздрогнула она, когда муж положил ей руки на талию. Антон коснулся губами маленького ушка с сережкой.

– Привет!

Регина отложила лопатку, приподняла плечики и развернулась.

– А мы тебя к двум ждали.

– Так сейчас без десяти, – он закрыл ей рот своими губами.

Сбоку что-то стукнуло. Антон отстранился от Регины и оглянулся. В дверях стоял Сережка.

– Привет, папа! – сын стушевался и хотел ретироваться. Однако Антон успел заметить небольшой синяк под левым глазом и ссадину на подбородке.

– А ну стой! – он нахмурился.

Сын вздохнул и подошел ближе. Антон присел на корточки.

– Что с лицом?

– Упал, – Сергей отвернулся.

Антон снизу вверх посмотрел на жену.

– Это правда?

Регина плотно сжала губы и неопределенно пожала плечами.

– Та-ак, – протянул Антон и выпрямился. Поведение домашних его озадачило. До сих пор от него ничего не скрывали. Значит, произошло что-то из ряда вон выходящее, о чем Регина просто боится сообщить либо не желает расстраивать.

– Я упал, – упрямо повторил Сережка.

Антон сел на табурет.

– Три раза подряд? У тебя же все лицо разбито!

– Я по лестнице катился. – Сын потупился.

– Ты отцу врешь? – Антон слегка подался вперед.

– Это он с улицы таким пришел, – неуверенно проговорила Регина.

– Пойди в комнату, – Антон развернул сына за плечо и хлопнул ладонью ниже спины. Дождавшись, когда Сергей выйдет, он вопросительно посмотрел на жену. Она выключила плиту и села напротив.

– Дай слово, что не станешь никого наказывать.

– Ты ставишь мне условие? – Антон удивился. Это не походило на Регину.

– Да, – подтвердила она.

– Ты прекрасно знаешь, если он подрался со сверстником и был прав, я вмешиваться не буду...

– Его избил не сверстник, – она снова замолчала.

– Ты? – растерялся Антон.

– И не я...

– Мне что, так и гадать? – Антон ничего не понимал.

– И все-таки, – Регина посмотрела на дверь, в которую только что вышел сын, и вздохнула, – дай слово, что ты не будешь никого калечить.

– Не дам, – покачал он головой. – Иначе останусь без работы.

– Хорошо, – обреченно вздохнула Регина. – Я вчера задержалась на работе, а он ждал меня после уроков напротив школы. Там как раз стояла машина Васильева. А Сережка крутился рядом...

– Васильев, – задумчиво повторил Антон. – Это меценат?

– И да, и нет, – Регина пожала плечами. – Он – директор сети супермаркетов. Его сын учится в параллельном с Сережей классе.

– И они подрались? – попытался угадать Антон.

– Нет, – покачала головой Регина. – Сережка ходил вокруг машины. А потом выяснилось, что она поцарапана.

– Так, – протянул Антон. До него стало кое-что доходить.

– Охранник отлучался в магазин, а сам Васильев беседовал с директором школы, – продолжала рассказывать Регина. – Когда они вернулись и увидели надписи, то сразу схватили нашего сына. А он возьми еще да ударь охранника ногой в колено. Ну тут Васильев его ладонью по щеке... Сережа упал и поранился...

– Позови его.

– Я здесь. – Сын вышел из-за двери.

– Ты что, подслушивал? – Антон переглянулся с Региной.

– Нет, просто знал, что позовете и стоял здесь, – пояснил сын.

– Ты трогал машину?

– Нет, – мальчишка покачал головой.

– А кто это сделал, знаешь? – строго спросил Антон.

– Знаю, но не скажу, – Сергей заложил руки за спину и опустил голову.

– Понятно, – Антон встал.

– Ты куда? – встрепенулась Регина.

– Пойду, пообщаюсь с этими отморозками – Антон шагнул к выходу.

– Звонила директриса, – перепуганно заговорила Регина. – Она очень просила никуда не заявлять. Даже предлагала деньги...

– Ты сама-то хочешь, чтобы этот тип остался безнаказанным? А безнаказанность, между прочим, порождает произвол. – Он назидательно поднял указательный палец вверх. – Так мы неизвестно до чего докатимся. В следующий раз он Сережке колено прострелит.

– Брось! – Регина всплеснула руками.

Спускаясь по лестнице, Антон припоминал, какие офисы расположены на улице, где находилась школа. Рядом был обменный пункт, ювелирный магазин, филиал банка. То есть вся прилегающая территория попадала под неусыпный контроль камер видеонаблюдения. Спустя час Антон вышел из дверей коммерческого банка с распечатанными на принтере снимками и копией записи на диске. Сергей сказал правду. Он не подходил близко к лимузину Васильева. Дверцы, крыло и капот исцарапали двое подростков намного старше сына. Сделал Антон и распечатку того, как охранник, а затем и присоединившийся к нему Васильев со своим чадом разбираются с Сергеем. Антон был в приподнятом настроении. Несмотря на мерзость ситуации, кадры были достойны какой-нибудь юмористической передачи. Сережку долго трепали за плечо, потом охранник шлепнул его по лицу, за что получил в ответ. Было забавно смотреть, как здоровый малый приседает от боли и трет колено.

Узнать, где находится офис Васильева, не составило труда. Антон заехал в первый попавшийся магазин «Мегатоп» и уточнил у администратора адрес фирмы. Каково же было удивление Антона, когда, приехав на улицу Народная, дом семь, он оказался перед покосившимися воротами каких-то складов. Если бы не стоявший неподалеку уже знакомый ему лимузин, он бы подумал, что ошибся адресом. Антон оставил машину на другой стороне улицы и направился к проходной. Еще переходя дорогу, он обратил внимание на то, что, несмотря на внешнюю запущенность кирпичной ограды и неказистого вида будку охранника, объект был плотно прикрыт самыми современными техническими средствами охраны. Только на внешней стороне забора он насчитал пять мощных видеокамер. Причем, в отличие от большинства такого рода организаций, эти были установлены грамотно, что большая редкость. Плюс освещение на столбах, прожектора у ворот, сетка и решетка на окне.

Он уже подходил к проходной, как неожиданно ему наперерез бросились две женщины. Одна – совсем молодая, другая намного старше. Внешняя схожесть подсказывала, что, скорее всего, это мать и дочь.

– Извините, пожалуйста, – негромко проговорила та, что постарше. – Вы здесь работаете?

– Нет, а что? – Антон замедлил шаг.

Тени под глазами, усталый, изможденный вид, потупленный взгляд – казалось, что женщины тщетно прячут от посторонних какое-то свое горе.

– А зачем вы туда идете? – спросила та, что помоложе. – Может, у вас там знакомый?

– Нет у меня знакомых здесь, – Антон удивился их поведению. – А вам зачем?

– Сын у меня пропал, – с надрывом проговорила женщина и показала рукой на девушку. – Брат ее. Здесь работал.

– Мама! – девушка потянула ее за руку. – Зачем чужим людям рассказывать?

– Нет-нет, – Антон шагнул, преграждая им путь. – Мне интересно.

– Он грузчиком работал, – ответила женщина.

– Мама! – уже более настойчиво потребовала прекратить разговор дочь и повернулась к Антону. – Вы ее не слушайте. Идите себе.

– У меня здесь тоже друг исчез, – соврал Антон. – Так что, возможно, у нас одни и те же проблемы.

У Антона сработал инстинкт разведчика. Шестое чувство ему подсказывало, что за этим обшарпанным забором скрыта не одна тайна. На эту мысль наталкивало и поведение женщин. Судя по тому, как они настороженно озирались, у них не было желания встречаться с руко-

водством. Скорее всего, искали рядовых сотрудников или рабочих. Значит, начальство уже с ними пообщалось. И разговор, похоже, был малоприятным.

– Тоже, поди, в ночную смену ушел? – в глазах девушки появилась заинтересованность.

– Не знаю, – покачал головой Антон. – Мне его жена позвонила. Сказала, что по этому адресу устроился год назад.

– И наш год как работает, – покачала головой женщина. – А сколько проверяли перед тем, как на работу взять! Будто здесь секретный объект, а не склад. Две недели назад вечером ушел, и до сих пор нет. Мы к директору подходили. Тот накричал. Говорил, что Толик давно на работу не выходит. Небось, где-то пьет. Он его и уволил за прогулы. А рабочие молчат и лишь руками разводят.

– Может, точно загулял? – Антон покосился на КПП.

– Да он совсем не пьет! – испуганно округлила глаза женщина. – Набожный. И не курит.

– Сектант?

– Как вы сказали? – не поняла женщина.

– Нет, – девушка замотала головой. – Православный. Он в духовную семинарию собирался.

– Собирается, – поправила ее женщина.

Антон пришел к окончательному выводу, что за воротами происходит что-то неладное. Вполне можно предположить, что парень стал свидетелем преступления. В силу своих убеждений стал опасным. Его и убрали.

– В милицию заявляли? – нахмурился Антон.

– Заявляли, но пока ни слуху ни духу, – женщина всхлипнула.

Антон решил пока отложить разговор и заняться объектом. Что-то говорило ему, что в этом случае он больше причинит ущерб обидчику сына, нежели если просто отправит его на пару месяцев в больницу.

– Знаете что, – он огляделся по сторонам. – Давайте вы скажете, как с вами связаться, и пойдете домой. А я займусь розыском знакомого и вашего сына.

Немного поколебавшись, женщины согласились.

Сидевший на проходной охранник задержал его ненадолго. Он записал паспортные данные Антона и объяснил, как пройти. Это тоже не удивило Антона. Обычно так ведут себя на объектах, к которым не желают привлекать внимания. Основная охрана внутри. Офис «Мега-топа» располагался с торца огромного здания бывшей текстильной фабрики. Остальная часть была приспособлена под склады. Антон миновал коридор и оказался в приемной. За столом с факсом и монитором компьютера сидела рыжеволосая девица.

– Как вас представить? – спросила она.

– Партнер по бизнесу, – не задумываясь, ответил Антон и через минуту вошел в просторный, с кондиционером, кабинет.

– Мне доложили, что мы партнеры. – Из-за стола поднялся высокий, атлетически сложенный мужчина.

Антон окончательно передумал бить этого человека. По крайней мере, делать это прямо здесь ему расхотелось. Топорно и примитивно. В конце концов, он может это сделать в любое время. И сделает. А пока... Синяки-то пройдут. А вот что за бизнес у этого холеного, самоуверенного хлыща, Антона интересовало все больше.

– Я немного соврал, – Антон подошел к столу. – Просто мне необходимы складские помещения в вашем районе. А у вас достаточно большие площади.

– Вы не ошиблись, – кивнул Васильев, потеряв к Антону всяческий интерес. – Но я ничего не сдаю в аренду.

– Я могу купить, – продолжал Антон. – Половину.

– Мне надо подумать, – выдержав паузу, вздохнул Васильев. – У нас достаточно большая сеть магазинов, и практически вся продукция хранится здесь. Ничего не могу обещать.

– Хорошо, я найду позже.

Проходя через приемную, Антон неожиданно услышал фразу, которую произнесла в телефон секретарша.

– Сегодня ночью Васильев лично встречает машины. Да, груз очень ценный... Часто...

Направляясь к выходу, Антон размышлял над услышанным. Что это может быть за груз, если генеральный директор лично контролирует его приемку. Да и зачем разгружать ночью, если можно дождаться утра. У него не продукты, а бытовая техника, она не портится. Судя по логотипам на грузовых «Фордах» и «ЗИЛах», парк машин тоже свой. Значит, и за простой он не платит. А выход бригады грузчиков в ночную смену обойдется в два раза дороже. Странно.

Антон вышел из той части здания, в которой располагался офис, и неожиданно для себя повернул к воротам склада. Протиснувшись между стеной и стоявшим в проезде грузовиком, он заглянул внутрь хранилища. Огромное пространство похожего на ангар строения было заставлено стиральными машинами, телевизорами, унитазами, ваннами, газовыми плитами. Вдоль стенки рабочие аккуратно сложили пластиковые и железные трубы, катушки проводов, упаковки стекла. Справа, обступив стол, о чем-то спорили несколько рабочих в синих комбинезонах.

Бесшумно ступая, Антон прошел в глубину склада и спрятался за стоящими рядом коробками. Судя по маркировкам, в них были душевые кабины. Он покосился в сторону грузчиков. Увлеченные спором, они ничего не заметили. Антон вынул телефон и набрал номер подполковника Линева. Коренастый, светловолосый контрразведчик с открытым лицом уже на протяжении нескольких лет работал с группой. Антон знал его еще старшим лейтенантом. Линева не курировал группа. Для этого в ФСБ были свои структуры. На Даниле как оперативнике лежало межведомственное взаимодействие, обмен информацией и совместное планирование операций в рамках антитеррора.

– Привет, Данила, – с ходу поприветствовал Антон, едва на другом конце ответили. – Ты не можешь мне одну контору пробить?

– Называй адрес, название фирмы и директора.

Антон быстро продиктовал.

– Тебе когда надо? – уточнил Данила.

– Вчера, – пошутил Антон.

– Понятно, жди, – с этими словами он отключился.

* * *

Когда Вадиму сказали, что к нему пришли, он сначала подумал, что это капитан Костюков. Ротный обещал привезти маленький телевизор. В фойе стоял один на все отделение, но его оккупировали солдаты, которые в основном смотрели развлекаловку. Да и время работы было ограничено расписанием.

В госпитале Пахомов лежал уже неделю. В палате, кроме него, еще один офицер, танкист, тоже с сотрясением мозга. Вадим сел на кровати, отбросил зачитанный до дыр дешевенький детективчик, сунул ноги в тапочки и направился в приемное отделение. Каково же было его удивление, когда у выхода на скамейке он увидел Лену, которую в первый момент из-за короткой стрижки принял за солдата. При его появлении Авдеева встала, взяла стоявший рядом пакет и смущенно улыбнулась.

– Привет.

– Здравствуй, – растерянно протянул Вадим и оглянулся по сторонам, надеясь увидеть Костюкова. – А твой что, тоже здесь лежит, или ты больных привезла?

Лена покраснела:

– Глупенький, я к тебе. Ты не рад?

– Скорее удивлен, – он провел по затылку ладонью. – Ты правда ко мне?

Она рассмеялась:

– Ну а к кому, по-твоему?

– Неожиданно как-то, – он сунул руки в карманы спортивной куртки.

– Вот, принесла, – Лена протянула пакет.

– Да брось ты, – он вконец растерялся.

– Бери. Здесь яблоки, курица... Я же знаю, как здесь кормят.

– А курицу ты... – Он замялся, не зная как сформулировать вопрос.

– Купила да сварила. – Она снизу вверх посмотрела на него странным, рассеянным взглядом.

– Да нет. – Он почесал затылок. – Я не об этом. Дома... Вернее, в общаге варила?

– Ну а где еще? – Она округлила глазки. – Не на костре же. Что с тобой? Может, голова?

– С головой все нормально, – отмахнулся он. – Я в том смысле, что муж...

– Так вот ты о чем! – протянула она. – Не бойся. Он в наряде сегодня. А я вот больных сюда привезла.

– Понятно, – он улыбнулся. – С оказией, значит.

– Я давно хотела приехать, да все не получалось.

Неожиданно на Вадима нахлынула нежность. Он вдруг ощутил прилив сил, исчезли растерянность и неуверенность. Ему показалось, что если сейчас не признается ей, то больше никогда не решится. Вадим подошел к Лене вплотную.

– Ты знаешь...

– Не надо, – она испуганно втянула голову в плечи.

– Я давно хотел тебе сказать...

– Ты возьми пока, а то я уже устала держать, – она, наконец, всучила ему пакет.

– Лена, – Вадим взял ее за предплечье и притянул к себе. – Ты же его не любишь!

– С чего ты взял?! – сдавленным голосом спросила она.

– Вижу, – уверенно заявил Вадим и уткнулся в лоб Лены губами.

Она сначала попыталась отвернуться, но неожиданно запрокинула назад голову. Он поцеловал ее в нос, потом в губы...

– Авдеева!

Вадима обдало жаром. Он обернулся. Сзади стоял начальник медицинской службы бригады и двое солдат в тапочках. Внутри все оборвалось. Капитан Рязанов был приятелем Авдеева, и надо быть полным идиотом, чтобы питать надежду, что происшедшее не станет достоянием гласности.

– Ты больных передала? – спросил между тем капитан.

– Сейчас, – Лена отстранилась от Вадима и одернула куртку. – Осталось отдать в отделение медицинские книжки.

– Так давай быстрее! – поторопил Рязанов. – Пора в бригаду возвращаться.

Лена сухо попрощалась и, пряча взгляд, прошмыгнула мимо своего начальника.

– Ну а ты, лейтенант, – Рязанов покосился на солдат и подошел ближе, – как здоровье?

Несмотря на небольшую разницу в званиях, Вадим, да и большинство офицеров обращались к Рязанову из-за солидного возраста на «вы». Он был ровесником командира бригады. Капитан слыл неплохим специалистом. Но медиков, как известно, звездочками не балуют. К тому же Рязанов пришел в армию с «гражданки», когда его сверстники уже ходили капитанами.

– Скоро выпишут. – Вадим попытался пройти мимо, но Рязанов поймал его за локоть.

– Нехорошо.

– Почему? – не нашел ничего лучшего сказать Вадим и посмотрел начмеду в глаза. В них не было ехидства или злости.

– Она, если тебе известно, замужем.

– Знаю, – кивнул Вадим. – Расскажите Авдееву?

– Я не сумасшедший, – покачал головой доктор. – Чечня – не самое лучшее место для семейных разборок. Но мое молчание отнюдь не значит, что о ваших отношениях никто не узнает. В бригаде давно шепчутся.

– Да с чего? – растерялся Вадим. – Она сегодня первый раз со мной разговаривала наедине...

– М-да! – Рязанов качнулся с пяток на носки. – Клиника... Лечить вас обоих надо. Ремнем...

В палату Вадим вернулся со смешанным чувством вины, радости и беспокойства за Лену.

– Кто приходил? – спросил танкист.

– Знакомая, – Вадим положил пакет. – Жуй. Здесь курица.

– А ты? – танкист поднялся с кровати.

– Не хочу. – Вадим сел на стул. – Что делать?

– В смысле? – не понял танкист.

– Да это я так, о своем...

Три дня до выписки Вадим не находил себе места. Была даже мысль вернуться в бригаду раньше. Особо здесь его никто не держал. Даже форма хранилась на вешалке прямо в палате. Но, поразмыслив, он отказался от этой затеи. Пусть все утрясется. Как ни странно, теперь, когда стало очевидно, что Лена к нему тоже равнодушна, он впервые задумался над тем, что теперь делать с этой самой любовью? Для начала надо еще, чтобы она ушла от своего мужа. Чем обернется для ничего не подозревающего майора такое известие, остается только гадать. Правильно сказал начмед, здесь не Россия. За себя Вадим не боялся. А если майора переклинит? Мало ли что он может сделать с Леной. Вадим поежился.

* * *

Несмотря на заверения, что не питает интереса к чеченке, мысль о Хаят не покидала Грымова до самого вечера. Он с трудом дождался, когда прапорщик Алиахметов закроет склад и отпустит его в распоряжение роты. Но в подразделение Грымов не пошел, а сразу отправился на ужин в дом к Аслану. В это время здесь гораздо меньше военных, и он лелеял надежду поговорить с чеченкой. И не только потому, что изголодался по женской ласке. Она ему по настоящему понравилась.

Как он и предполагал, народу на ужине оказалось немного. Два солдата из танкового батальона да прапорщик, старшина второй роты.

Грымов сел за тот же самый стол, что и в обед. Вскоре появилась Хаят. Она поставила ему чашку с бараниной под чесночным соусом и хлеб. На завтрак, обед и ужин в этом заведении изо дня в день подавали одни и те же блюда, поэтому было не принято спрашивать, кто что желает.

– Спасибо! – поблагодарил он и выразительно улыбнулся.

– Пожалуйста. – Хаят поправила подставку для специй.

– У тебя красивый голос, – покосившись на соседний стол, сделал он комплимент.

– А твой друг придет? – имея в виду прапорщика, неожиданно спросила она.

– Почему ты спрашиваешь? – он расстроился. Неужели азербайджанец ей понравился?

– Спрашиваю, потому что мало порций осталось. Если он тоже собирается ужинать, я оставлю ему, – пояснила Хаят.

Она говорила быстро и тихо. Так, что ему приходилось напрягать слух. Слава даже незаметно для себя приподнялся на стуле.

– Нет, – беря в руки вилку, покачал головой Грымов. – Он ужинает в офицерской столовой.

Чеченка ушла. Грымов нарочно ел медленно, моля бога, чтобы никто не подсел за его столик. Быстро темнело. Хаят принесла чай. Пристально глядя на чеченку, он снова поблагодарил ее.

Она ниже, чем нужно, нагнулась за тарелкой.

– Как зовут тебя?

– Слава.

– Ты знаешь, где я живу?

Несмотря на то, что Грымов мечтал об этом, он поперхнулся.

– Приходи в двенадцать к забору, – продолжала она. – И ничего не бойся.

Весь вечер Грымов ходил сам не свой. Если бы не рассказ прапорщика Алиахметова о жизни Хаят, он бы ни за что не поверил чеченке. Славик хорошо знал местные нравы. В этой республике считается безнравственным, даже если одинокая женщина просто идет по улице одна. Как правило, ее повсюду сопровождает кто-то из родственников. Что уж говорить о том, чтобы чеченка вот так запросто заговорила с мужчиной, да еще пригласила в гости! Нет, здесь что-то нечисто. Однако Грымов вновь вспомнил спокойствие, с каким Алиахметов предложил ему организовать встречу. Складывалось впечатление, что он не обманывал. Зачем ему это надо? Но если пойти, что тогда? Стоп, ведь Алиахметов мусульманин! Вдруг айзер с ними заодно?

Эту мысль Грымов, подумав, отогнал. Прапорщик не решится на то, чтобы подставить его. Если Грымов исчезнет, сразу начнут трясти тех, кто последним с ним общался. Особи́сты умеют делать свою работу. Вмиг узнают, что накануне Грымов работал на складах, а потом вместе с Алиахметовым обедал у Аслана. К тому же азербайджанец предлагал сам, прямо за столом, все устроить. Нет, не может быть. Сказки про предателей придумывают те, кто желает очернить армию. Да и чеченки не такие уж и недотроги. Он неожиданно вспомнил рассказы мотострелков, которые дежурили на удаленных блокпостах. Солдаты во всех красках описывали, как к ним приходили жены погибших боевиков. На все попытки высмеять такие истории те, кто их рассказывал, приводили железный аргумент: мол, если она с чеченцем загуляет, то рано или поздно это разнесется по селу, и тогда ее могут не только прогнать из дома, но и забросать камнями. А наши кому могут рассказать? Только своим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.